

ЦЕРБЕР

МАРГАРИТА ДЗЮИНА

18+

Маргарита Дзюина

Цербер

«Автор»

2026

Дзюина М. Д.

Цербер / М. Д. Дзюина — «Автор», 2026

Теодор Картер защищает тех, кого остальные уже признали виновными. Он знает, как разрушить обвинение и вернуть клиенту свободу. Но кто-то начинает убивать мужчин, избежавших наказания. Детектив Джек Харрис ищет связь между погибшими. Следствие приводит его к Картеру — адвокату, который слишком хорошо знает их дела и слишком уверенно отвечает на вопросы. Пока Харрис восстанавливает последние часы жизни жертв, Теодор пытается вспомнить одну ночь из своего детства. После неё исчезла его семья. Он остался с отцом. С годами Картер научился находить ложь в чужих показаниях. Теперь ему придётся искать её в собственных воспоминаниях.

© Дзюина М. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Если человек понимает зло внутри себя и использует его — он жертва или монстр?	5
Глава 2. Детектив Джек Харрис	37
Глава 3. Теодор Картер	48
Глава 4. Теодор Картер	56
Глава 5. Детектив Джек Харрис	72
Глава 6. Детектив Джек Харрис	85
Глава 7. Теодор Картер	97
Глава 8. Детектив Джек Харрис	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Маргарита Дзюина

Цербер

**Если человек понимает зло внутри себя и
использует его — он жертва или монстр?**

Глава 1. Теодор Картер

— Если обвинение ещё раз назовёт моего клиента убийцей до вынесения вердикта, я начну брать с прокуратуры почасовую оплату.

В заднем ряду кто-то смеётся.

Уолш — нет.

Он стоит за своим столом, вцепившись в папку обеими руками, и смотрит на меня так, будто присяжные только что услышали что-то недопустимое.

Они слышали.

Только сказал это не я.

Судья снимает очки.

Плохой знак.

Не для меня.

— Мистер Картер.

— Ваша честь.

— Вы закончили?

Я перевожу взгляд на прокурора.

Уолш не садится.

За четыре месяца он успел прислать моей команде двенадцать тысяч страниц материалов, четыреста восемьдесят семь фотографий, девятнадцать часов видеозаписей и список из тридцати двух свидетелей.

И всё равно не нашёл главного — доказательства того, что мой клиент убил человека.

— Почти.

— Тогда постарайтесь закончить до того, как я признаю вас виновным в неуважении к суду.

— Это будет непросто. У меня хороший адвокат.

По залу проходит смехок.

Даже один из присяжных улыбается.

Судья медленно качает головой.

— Когда-нибудь, Картер.

— Но не сегодня, ваша честь.

— Не испытывайте судьбу.

— Никогда.

Это неправда.

Я только этим и занимаюсь.

Возвращаюсь к столу.

Эвелин сидит в первом ряду за моей спиной.

Серый костюм. Волосы собраны. На коленях — закрытый блокнот.

Последние двадцать минут она ничего не записывает.

Значит, пока всё идёт по плану.

Если бы я пропустил хоть одну деталь, рядом с её большим пальцем уже лежал бы жёлтый стикер.

Мы работаем вместе десять лет.

За это время Эвелин научилась сообщать мне, что я идиот, не произнося ни слова.

Редкий талант.

Мой клиент наклоняется ко мне.

— Он врёт?

Не смотрю на него.

— Все врут.

— Я про копа.

— Я тоже.

— И что теперь?

Застёгиваю пиджак.

— Теперь он сделает это ещё раз.

— Зачем?

— Потому что люди ненавидят признавать первую ложь. Поэтому обычно придумывают вторую.

Выпрямляюсь.

— Продолжайте, мистер Картер.

— Благодарю, ваша честь.

Я давно не ребёнок.

Двенадцать лет я занимаюсь уголовным правом.

Последние семь моё имя регулярно появляется в делах с многомиллионными залогами — тех самых, ради которых журналисты приезжают к зданию суда ещё до рассвета.

Меня называют адвокатом последнего шанса.

Ненавижу эту формулировку.

Она предполагает, что до меня был кто-то ещё.

Если человек достаточно богат, достаточно известен или достаточно сильно облажался, чтобы его фамилия оказалась на первых полосах, ему не нужен последний шанс.

Ему нужен я.

Я представлял губернаторов.

Сыновей сенаторов.

Полицейских, которым прокуратура решила напомнить, что жетон не делает их неприкосновенными.

Людей, профессии которых никогда не указывались в налоговых декларациях.

И однажды — человека, чьё имя я до сих пор предпочитаю не произносить в помещениях с окнами.

Не все были невиновны.

Это никогда не входило в требования.

Моя работа — не определять, хороший передо мной человек или плохой.

Для этого существуют священники.

Моя работа — заставить государство доказать, что оно имеет право отнять у него свободу.

И если государство ошиблось хотя бы один раз, я найду, где.

Поворачиваюсь к свидетелю.

Детектив Моррис устал.

Вижу это по тому, как он сидит. По пальцам, которыми трёт край стола. По стакану воды, к которому то и дело тянется, но почти не пьёт.

А ещё — по взгляду, который после каждого моего вопроса на долю секунды уходит вправо.

К Уолшу.

Два часа назад Моррис вошёл сюда уверенным в себе.

Теперь он ждёт разрешения прокурора даже на вдох.

Люди слишком много рассказывают телом.

Нужно только научиться слушать.

— Детектив, вернёмся к вечеру двадцать второго ноября.

Моррис выдыхает.

— Мы уже это обсуждали.

— Обсуждали.

Беру лист.

— Тогда вы сказали, что прибыли на место преступления в двадцать два сорок семь.

— Верно.

— А сегодня утром — в двадцать два тридцать девять.

Уолш поднимается.

— Возражаю. Свидетель уже объяснил...

— Я ещё не задал вопрос, ваша честь.

Судья смотрит на прокурора.

— Тогда, мистер Уолш, вы возражаете против будущего?

Уолш краснеет.

— Сядьте.

Он садится.

Я смотрю на Морриса.

— Так во сколько вы приехали?

— Около десяти сорока.

— Около?

— Да.

— Восемь минут для вас — это «около»?

Он смотрит на Уолша.

Ошибка.

На этот раз её замечаю не только я.

Присяжная во втором ряду переводит взгляд с Морриса на прокурора.

Хорошо.

— Детектив.

Он снова смотрит на меня.

— Я разговариваю с вами.

— Десять сорок.

— Теперь уже третий вариант.

— Я не смотрел на часы.

— Странно.

— Что именно?

Кладу лист обратно.

— В первоначальном рапорте время указано до минуты.

Он молчит.

Подхожу ближе.

Но не слишком.

Свидетеля нельзя загонять в угол физически.

Для этого существуют вопросы.

— Вы составляли рапорт?
— Да.
— Подписывали?
— Да.
— Читали перед тем, как поставить подпись?
— Разумеется.
— Тогда откуда взялись двадцать два сорок семь?
Его кадык двигается.
— Не помню.
Киваю.
Вот оно.
Не победа.
Первая трещина.
— Хорошо. Давайте поможем вашей памяти.
Уолш снова начинает вставать.
Судья даже не смотрит на него.
— Не надо.
Уолш медленно садится.
Мне нравится этот судья.
Эвелин за моей спиной кашляет.
Один раз.
Я знаю этот кашель.
Не увлекайся.
Беру следующую страницу.
— Камера магазина напротив парковки зафиксировала, как ваш автомобиль въехал туда
в двадцать три ноль четыре.
— Да.
— Значит, на парковке он появился только в двадцать три ноль четыре.
— Возможно, сначала я припарковался в другом месте.
— А потом переставили машину?
— Возможно.
— Откуда?
Моррис молчит.
Я тоже.
Это одна из первых вещей, которым я учу молодых адвокатов.
Если свидетель замолчал — заткнись.
Не помогай ему. Не спасай следующим вопросом.
Люди плохо переносят пустое пространство.
Особенно когда на них смотрят двенадцать присяжных.
Пять секунд.
Семь.
Девять.
Моррис ёрзает.
Уолш берёт ручку.
На одиннадцатой секунде Моррис ломается.
— Я не помню.
— Второй раз за минуту.
— Прошло почти пять месяцев.
— А мой клиент может провести в тюрьме остаток жизни.

Зал затихает.

Только теперь я смотрю на присяжных.

Не на Морриса.

— Поэтому постарайтесь.

Когда я снова поворачиваюсь к нему, ненависть уже не скрыта.

Привычный взгляд.

Я видел его сотни раз и предпочитаю именно таким.

Ненависть делает людей неосторожными.

— Я мог ошибиться во времени.

— Сегодня утром вы утверждали, что прибыли в двадцать два тридцать девять. Ваш автомобиль появился на парковке в двадцать три ноль четыре. Вы ошиблись на двадцать пять минут?

Он напрягается.

— Возможно.

— Тогда поговорим о том, что произошло между двадцатью двумя тридцатью девятью и двадцатью тремя ноль четыре.

Уолш вскакивает.

— Возражаю!

На этот раз — быстро.

Без привычной выдержки.

Я улыбаюсь.

Наконец-то нашёл вопрос, которого он боится.

— Что именно вас беспокоит, Уолш? Вопрос или ответ?

— Мистер Картер, — предупреждает судья.

— Снято.

— Я ещё не успел вынести решение.

— Экономлю время суда.

Судья смотрит на меня поверх очков.

Я возвращаюсь к столу.

Мой клиент наклоняется ко мне.

— Это хорошо?

— Нет.

Он бледнеет.

Жду секунду.

Эвелин за моей спиной тихо вздыхает.

Она ненавидит, когда я так делаю.

— Это очень хорошо.

Клиент выдыхает.

— Вы издеваетесь?

— Немного.

— Теодор, — едва слышно произносит Эвелин.

Даже не оборачиваюсь.

— Что?

— Человек может получить пожизненное.

— Не получит.

— И поэтому вам обязательно доводить его до инфаркта раньше?

Я смотрю на клиента.

— Сердце здоровое?

Он не понимает, шучу я или нет.

Правильно.
Пусть привыкает.
Я снова смотрю на Морриса.
Люблю этот момент.
Ещё не оправдание.
Не вердикт.

Только несколько секунд, когда дело уже изменило направление, но почти никто в зале этого не понял.

Первым понимает Уолш.
Листает документы.
Возвращается к рапорту.
Смотрит на свидетеля.
Потом на меня.
Вот теперь.
Я едва заметно улыбаюсь.
Добро пожаловать.
До конца допроса Уолш больше не вмешивается.
Через час стороны заканчивают представлять доказательства.
После заключительных речей судья смотрит на часы.

Потом на присяжных.
— Дамы и господа, вы выслушали обе стороны. Теперь вам предстоит принять решение.

Он даёт последние инструкции.
Говорит о доказательствах.
О разумном сомнении.
О том, что решение должно быть единогласным.
Я почти не слушаю.

Эту речь я слышал сотни раз.

Мой клиент — нет.

Он сидит рядом, сцепив пальцы так сильно, что побелели костяшки.

— Присяжные могут удалиться для совещания.

Двенадцать человек поднимаются.

Один за другим исчезают за дверью.

Зал начинает оживать.

Скрипят стулья.

Кто-то торопится к выходу.

Журналисты уже достают телефоны.

Уолш собирает бумаги, не глядя в мою сторону.

Мой клиент остаётся сидеть.

— И что теперь?

— Ждём.

— Сколько?

— Сколько понадобится.

— Это может занять весь день?

— Может.

— А если они не договорятся?

— Тогда будем решать эту проблему, когда она появится.

Он смотрит на дверь, за которой скрылись присяжные.

— А если они решат, что я виновен?

Я закрываю папку.

— Эту тоже.
Через несколько минут мы выходим в коридор.
Эвелин появляется рядом.
— Кофе?
— Да.
Она смотрит на моего клиента.
— Вам?
Он отрицательно качает головой.
Эвелин оценивает его секунду.
— Принесу.
И уходит.
Я усмехаюсь.
— С ней бесполезно спорить.
— Я заметил.
Через десять минут она возвращается с двумя стаканами кофе.
Один ставит передо мной.
Второй протягивает клиенту.
— Я не просил.
— Знаю.
Он всё-таки берёт стакан.
— Спасибо.
Эвелин садится рядом со мной.
— Как думаете?
— Недолго.
— Насколько?
Делаю глоток.
— До обеда.
Она смотрит на часы.
— Самоуверенно.
— Ты работаешь со мной десять лет и только сейчас заметила?
— Нет. Просто время от времени проверяю, не прошло ли.
Не прошло.
Мы ждём.
Клиент почти не пьёт кофе.
Каждые несколько минут смотрит на телефон.
Его жена едет где-то в пробке.
Потом на дверь.
Потом на меня.
Я читаю письма.
Эвелин отвечает на сообщения.
В какой-то момент она молча протягивает мне сэндвич.
Я смотрю на него.
Потом на неё.
— Нет.
— Да.
— Я не голоден.
— Меня это не интересует.
Клиент неожиданно смеётся.
Впервые за сегодня.

Я беру сэндвич.
— Надеюсь, вам приятно.
— Очень, — отвечает он.
Проходит чуть больше часа.
Дверь зала открывается.
На пороге появляется секретарь суда.
— Присяжные вынесли решение.
Клиент замирает.
Стакан в его руке едва заметно дрожит.
— Уже?
Я встаю.
Поправляю манжеты.
— Пойдёмте.
— Это хорошо или плохо?
— Это быстро.
— Теодор.
Смотрю на него.
Он действительно напуган.
Убираю улыбку.
— Идём.
Мы возвращаемся в зал.
Люди занимают места.
Журналисты торопливо рассаживаются в последних рядах.
Уолш уже стоит за своим столом.
Эвелин садится позади меня.
Я занимаю место рядом с клиентом.
Дверь открывается.
Присяжные входят один за другим.
Я смотрю на их лица.
Никто не смотрит на моего клиента.
Интересно.
— Встать. Суд идёт.
Зал поднимается.
Через минуту судья занимает своё место.
— Прошу садиться.
Шорох стихает.
Секретарь суда встаёт.
— Господин старшина, присяжные пришли к единогласному решению?
— Да.
Старшина протягивает секретарю суда лист.
Бумага шуршит.
Иногда человеческая жизнь весит меньше одного листа.
Секретарь разворачивает его.
— По предъявленному обвинению в убийстве второй степени присяжные признали подсудимого...
Мой клиент перестаёт дышать.
— ...невиновным.
Он закрывает лицо руками.
Плечи дёргаются.

Я остаюсь стоять.
Спокойно.
Будто другого результата быть не могло.
Хотя мог.
Всегда может.
Это ещё одна вещь, которую люди неправильно понимают в моей профессии.
В суде нет гарантированных побед.
Есть только ошибки.
Твои.
И чужие.
Побеждает тот, кто первым замечает вторые и не совершает первых.
Я заметил.
Судья благодарит присяжных за работу и закрывает заседание.
Только после этого зал оживает.
Мой клиент всё ещё закрывает лицо руками.
Его жена уже пробирается к нам между рядами.
Успела в срок, ничего не скажешь.
Он поднимает голову, видит её и будто только сейчас понимает, что всё действительно закончилось.
Она обнимает его.
Он прижимает её к себе.
Крепко.
Слишком крепко.
Я отворачиваюсь.
Некоторые моменты не нуждаются в адвокате.
Эвелин подходит сзади и протягивает мне пальто.
— Поздравляю.
— Ты сомневалась?
— Всегда.
Я смотрю на неё.
— Очень поддерживает.
— Для поддержки у вас достаточно благодарных клиентов. Я отвечаю за реальность.
Клиент наконец отпускает жену и подходит ко мне.
Глаза красные.
— Теодор...
— Не надо.
— Я не знаю, как вас благодарить.
— Знаете. Эвелин пришлёт счёт.
Несколько секунд он смотрит на меня.
Потом смеётся.
Нервно.
Почти со слезами.
— Вы невозможный человек.
— Мне говорили.
Он протягивает руку.
Я пожимаю.
Но он не отпускает.
— Вы вернули мне жизнь.
Вот эту фразу я слышал раньше.

Много раз.
И до сих пор не знаю, что на неё отвечать.
Поэтому просто киваю.
— Идите к жене.
Он уходит.
Эвелин уже складывает документы в папку.
Я надеваю пальто.
На другом конце зала Уолш разговаривает с Моррисом.
Детектив выглядит так, будто за последние несколько часов постарел лет на пять.
Уолш замечает меня.
Наши взгляды встречаются.
Я вижу момент, когда он принимает решение.
— Пойдём, — говорю Эвелин.
— Куда?
— Подальше отсюда. Желательно до того, как Уолш вспомнит, что проигрывать нужно достойно.
— Поздно.
— Почему?
Она кивает мне за спину.
— Уже вспомнил о вас.
Я слышу шаги.
Ускоряться не собираюсь.
Мы выходим из зала.
Уолш догоняет нас возле лифтов.
— Картер.
Я не оборачиваюсь.
— Уолш.
— Ты знал.
Нажимаю кнопку вызова.
— Я много чего знаю.
— Про время в рапорте.
— Конечно.
— С самого начала?
— Со второго дня.
Он останавливается.
— И четыре месяца молчал?
Теперь я смотрю на него.
— А что должен был сделать? Позвонить и предупредить?
— Ты позволил мне построить на этом обвинение.
— Нет. Ты сам построил на этом обвинение. Я просто не мешал.
Двери открываются.
Эвелин заходит первой.
Я следом.
Уолш удерживает дверь ладонью.
— Ты конченный ублюдок.
— Зато дорогой.
— И когда-нибудь нарвёшься.
— Встаньте в очередь.
Он не убирает руку.

— Картер.
Я смотрю на него.
— Он ведь мог это сделать.
Улыбка исчезает.
Эвелин поднимает глаза от телефона.
Уолш ждёт.
— Мог, — отвечаю я.
— И тебя это вообще не беспокоит?
— А должно?
— Ты только что выпустил его на улицу.
— Нет, Уолш. Его освободили присяжные, потому что обвинение не смогло доказать его вину.
— Удобная философия.
— Это не философия.
Уолш наконец убирает руку.
— Это закон.
Двери закрываются.
Эвелин молчит до первого этажа.
Я достаю телефон.
Двадцать три пропущенных.
Шесть сообщений.
Три письма с пометкой СРОЧНО.
Обычный вторник.
— Вы хотя бы съели сэндвич?
Поднимаю глаза.
— Ты сейчас серьёзно?
— Значит, нет.
— Я был немного занят.
— Вижу.
Телефон снова вибрирует.
Эвелин успевает посмотреть на экран раньше меня.
Чарльз Грант.
Она приподнимает бровь.
— Сенатор.
— Я умею читать.
— Иногда возникает ощущение, что выборочно.
— Ты сегодня особенно добрая.
— Вы выиграли дело. Теперь вас можно раздражать.
— До победы было нельзя?
— До победы вы раздражали всех сами.
Двери открываются.
Я принимаю звонок.
— Сенатор.
— Слышал, ты опять устроил цирк.
Выхожу из лифта.
— И вам доброе утро.
— Уже почти полдень.
— Значит, утро прошло продуктивно.
— Вице-президенту твой цирк не понравился.

Я продолжаю идти.
— Он смотрел процесс?
— Нет. Читал газету.
— Тогда его претензии к журналистам, не ко мне.
Грант хмыкает.
— Теодор.
Интонация меняется.
Вот теперь разговор начинается.
— Слушаю.
— Мне понадобится твоя помощь.
— Всем нужна.
— Это серьёзно.
Толкаю дверь.
В лицо ударяет холод.
— Насколько?
— Настолько, что по телефону я говорить не буду.
Перед зданием суда уже ждут журналисты.
Как всегда.
Кто-то замечает меня первым.
Остальные поворачиваются следом.
Поднимаются камеры.
— Завтра, — говорю я. — Семь утра.
— В восемь.
— В семь тридцать.
— Ты торгуешься со мной из-за получаса?
— Я адвокат. Я торгуюсь из принципа.
Грант смеётся.
— Хорошо. Семь тридцать.
— Адрес пришлите Эвелин.
— Она всё ещё тебя терпит?
Я бросаю на неё взгляд.
— К сожалению.
Не отрываясь от телефона, Эвелин показывает мне средний палец.
Я улыбаюсь.
— Я всё слышу, — говорит она.
Грант снова смеётся.
— До завтра, Картер.
Он отключается.
— Мистер Картер!
— Теодор!
— Сюда!
— Прокомментируете решение присяжных?
Мы спускаемся по ступеням.
Микрофон появляется почти перед моим лицом.
— Вы считаете, что сегодня восторжествовала справедливость?
Я останавливаюсь.
Эвелин тоже.
Хороший вопрос.
Слишком хороший для ответа, которого от меня ждут.

— Нет.
Журналистка явно не ожидала.
— Нет?
— Сегодня восторжествовала процедура.
— В чём разница?
Смотрю прямо в камеру.
— Справедливость — слово, которым люди называют результат, когда он им нравится.
Закон устроен сложнее.
— Но ваш клиент оправдан.
— Потому что обвинение не доказало его вину.
— Вы считаете его невиновным?
Эвелин едва заметно поворачивает голову.
Вот теперь даже ей интересно, что я отвечу.
Я смотрю на журналистку.
— Я считаю, что двенадцать человек только что ответили на единственный вопрос, который им задали.
— Убивал он или нет?
— Вопрос заключался не в этом.
— Тогда в чём?
Делаю шаг к машине.
— Смогло ли обвинение доказать, что он убивал.
Журналистка идёт следом.
— И если он всё-таки виновен?
Я снова останавливаюсь.
На этот раз надолго.
— Тогда сегодня система допустила ошибку.
— И что происходит с такими ошибками?
Несколько объективов приближаются.
Улыбаюсь.
Совсем немного.
— Обычно?
— Да.
— С ними приходится жить.
У тротуара уже ждёт машина.
Эвелин открывает заднюю дверь.
Я сажусь.
Она устраивается рядом.
Дверь закрывается.
Крики журналистов остаются за стеклом.
Эвелин пристёгивается.
— «С ними приходится жить»?
— Что?
— Ничего.
Она открывает планшет.
— Просто запомнила.
Разумеется.
Эвелин запоминает всё.
Она устраивается рядом со мной.
— «С ними приходится жить». Думаю, именно эту фразу завтра вынесут в заголовок.

— Могло быть хуже.
— Конечно. Вы могли сказать то, что думаете.
Я поворачиваю голову.
— Ты сегодня особенно разговорчивая.
— Я голодная.
— Поешь.
— Вы тоже.
Машина трогается.
Я закрываю глаза.
На несколько секунд.
Только на несколько.
Телефон снова вибрирует.
Потом ещё раз.
Переворачиваю его экраном вниз.
— Записать вас к врачу? — спрашивает Эвелин.
— Зачем?
— Проверить, не случилось ли чего.
Открываю глаза.
— Очень смешно.
— Вы проигнорировали два звонка подряд.
— Я устал.
Она долго смотрит на меня.
— Вот теперь я действительно начинаю волноваться.
Я усмехаюсь.
За окном тянется вечерний город.
Стекло отделяет меня от людей, светофоров, клаксонов, чужих жизней.
Завтра в семь тридцать будет Грант.
После него — встреча с новым клиентом.
Потом апелляция.
В четверг — федеральный суд.
В пятницу — человек, чьё имя Эвелин отказалась писать в календаре и обозначила про-

сто:

НЕ ПЕРЕНОСИТЬ.
Я тогда спросил почему.
Она ответила:
Потому что я хочу дожить до субботы.
Телефон снова вибрирует.
Не беру.
— Домой? — спрашивает водитель.
— Да.
Эвелин листает календарь.
— Завтра я заеду за вами в шесть сорок пять.
— Не надо.
— В шесть сорок пять.
— Эвелин.
— Вы опоздаете.
— Я никогда не опаздываю.
Она поднимает глаза.
— В прошлый четверг.

— Это было на семь минут.
— Вы никогда не опаздываете больше чем на семь минут.
— Уже ближе.
Она закрывает планшет.
— Поужинайте.
— Да, мам.
Эвелин смотрит на меня.
Я понимаю ошибку на секунду позже, чем произношу.
Но она лишь открывает дверь, когда машина останавливается возле её дома.
— Спокойной ночи, Теодор.
— Спокойной, Эвелин.
Она выходит.
Я смотрю ей вслед.
Потом снова переворачиваю телефон экраном вверх.
Тридцать один пропущенный.
Теперь можно домой.
— Мистер Картер.
Поднимаю глаза.
Раджив смотрит на меня через зеркало заднего вида.
Он возит меня шестой год и всегда понимает, где заканчивается разговор.
Именно поэтому всё ещё меня возит.
— Что?
— Поздравляю.
— С чем?
— С победой.
Я смотрю на него.
— Уже знаешь?
— Радио.
Он кивает на панель.
— О вас говорили.
— Надеюсь, хорошо.
— Нет.
Я усмехаюсь.
— Значит, всё как обычно.
Раджив улыбается и перестраивается в соседний ряд.
Вечерний город ползёт мимо окон.
Красные стоп-сигналы.
Люди на переходах.
Кто-то бежит, прикрывая голову газетой от начавшегося дождя.
— Моя жена вас не любит, — сообщает Раджив.
— Очень жаль.
— Говорит, вы защищаете плохих людей.
— Умная женщина.
Он смеётся.
— Я ей то же самое сказал.
— И?
— Теперь она не любит и меня.
— Могу дать номер хорошего адвоката по разводам.
Раджив качает головой.

— Нет, спасибо. Мне моя жена нравится.
Телефон вибрирует.
Не смотрю.
— Вы сегодня домой рано, — говорит Раджив.
Поворачиваю голову к окну.
— Почти девять.
— Для вас — рано.
Справедливо.
— Дети ждут?
Вопрос звучит буднично.
Я отвечаю не сразу.
— Не дети. Брат и сестра.
— А.
Раджив кивает.
И всё.
Не спрашивает их имён.
Не интересуется, почему брат и сестра живут со мной.
Не начинает рассказывать о собственной семье.
За это я ему и плачу.
Машина сворачивает с главной улицы.
Телефон снова оживает.
На этот раз — сообщение.
Грант: 7:30. Не опаздывай.
Убираю телефон в карман.
— У вас большая семья? — спрашиваю я.
Раджив на секунду удивляется.
Обычно я не задаю личных вопросов.
— Две дочери. Сын. Жена. Моя мать живёт с нами.
— Шумно.
— Очень.
— Сочувствую.
Он улыбается.
— Когда дома тихо, мне хуже.
Я смотрю на него через зеркало.
— Почему?
Раджив пожимает плечами.
— Значит, никого нет.
Он произносит это просто.
Без философии.
Через несколько секунд машина останавливается у моего дома.
— Завтра в шесть тридцать? — спрашивает Раджив.
— В шесть сорок.
— Мисс Эвелин сказала шесть сорок пять.
Я медленно поворачиваю голову.
— Когда она успела?
— Пока вы разговаривали по телефону.
Конечно.
— Шесть сорок пять.
— Хорошего вечера, мистер Картер.

Открываю дверь.
— И тебе, Раджив.
Дождь почти закончился.
Я захожу в здание, киваю консьержу и направляюсь к лифтам.
На верхнем этаже двери разъезжаются.
Несколько секунд стою перед квартирой, разыскивая ключи.
Музыку слышно ещё из коридора.
Я улыбаюсь.
Раджив прав.
Когда дома тихо, хуже.
Открываю дверь.
Дома пахнет кофе.
Из колонок гремят гитара, бас и ударные.
Громкость такая, будто Леон наконец решил закончить начатое отцом и добить мне слух.
Посреди прихожей валяются его ботинки.
Разумеется.
— Леон!
Музыка становится тише.
Не выключается.
Просто переходит из категории «землетрясение» в «нарушение общественного порядка».
— Что?
— Ботинки.
— И тебе привет.
Снимаю пальто.
— Убери их, пока я не сломал шею.
— Рефлексы уже не те, да?
— Терпение тоже.
Поддеваю один ботинок носком и отбрасываю к стене.
— Ещё раз оставишь их здесь — выброшу.
— Ты каждый раз это говоришь.
— Однажды сделаю.
— Тогда у меня появится повод купить новые.
Прохожу в гостиную.
Лили лежит на животе прямо на ковре.
Ноги согнуты в коленях, ступни болтаются в воздухе.
Вокруг неё карандаши, листы, открытая коробка постели и стакан с водой, который стоит опасно близко к дивану.
— Нет.
Она поднимает голову.
— Что?
Показываю на стакан.
— Убери.
— Я аккуратно.
— Именно это говорят люди за три секунды до катастрофы.
— Ти.
— Лили.
Она закатывает глаза.
Ей одиннадцать.
А закатывать глаза научилась так, будто минимум шестнадцать.

Потом улыбается.

И на несколько секунд суд, Уолш, Моррис, камеры, сенатор Грант — всё остаётся где-то за дверью.

— Привет.

— Привет, мелкая.

Она поднимается и подходит ко мне.

Обнимает.

Я машинально кладу ладонь ей на затылок.

Вот теперь я дома.

— Ты поздно.

— Я работал.

— Ты всегда работаешь.

— Кто-то в этом доме должен.

— О господи, — доносится из кухни.

Леон появляется с кружкой в руке.

Футболка.

Старые джинсы.

Волосы ещё влажные.

На правой щеке — тонкая царапина.

Смотрю на неё.

Потом на него.

— Что с лицом?

Он касается щеки.

— Ничего.

— Я вижу.

— Тогда зачем спрашиваешь?

Вот он.

Леон.

Когда-то давно эта интонация могла довести отца до бешенства.

Сейчас ей прекрасно удаётся доводить меня.

— Подрался?

— Нет.

— Упал?

— Нет.

— Девушка?

Он улыбается.

— Возможно.

— У неё когти?

— Ты слишком много работаешь, Ти. А я живу полной жизнью.

— Глупости.

— Началось.

Он проходит мимо.

Чуть прихрамывает.

Совсем немного.

Я замечаю.

— Нога?

Леон даже не оборачивается.

— Мотоцикл.

— Что с ним?

— Ничего.
— Леон.
— Я задел бордюр.
Закрываю глаза.
— На какой скорости?
— Это существенно?
— Для моего решения, убить тебя сейчас или после ужина, — да.
Он смеётся.
— Не драматизируй.
— Ты разбил мотоцикл?
— Поцарапал.
— Себя?
— Тоже поцарапал.
Лили уже вернулась на ковёр.
— Он хромал утром.
Леон поворачивается к ней.
— Иуда.
— Кто?
— Неважно.
Я смотрю на него.
— Врач.
— Нет.
— Завтра.
— Нет.
— Тогда я позвоню Эвелин.
Леон на секунду замирает.
— Это шантаж.
— Это управление рисками.
— Ненавижу адвокатов.
— Особенно когда они оплачивают твою медицинскую страховку.
Он показывает мне средний палец и падает в кресло.
Я снимаю часы.
Кладу на стол.
Галстук внезапно кажется удавкой.
Ослабляю узел.
Лили поднимает лист.
— Смотри.
— Что там?
На бумаге собака.
По крайней мере, надеюсь, что собака.
Лохматая, с лапами разной длины, огромным жёлтым ухом и синим хвостом.
— Красиво.
Лили щурится.
— Ты даже не посмотрел.
Смотрю внимательнее.
— Очень красиво.
— Врёшь.
Леон делает глоток кофе.
— Чего ты ожидала?

— Замолчи.
Лили подносит рисунок ближе.
— Я хочу собаку.
— Нет.
— Почему?
— У нас уже есть Леон.
Он медленно поворачивает голову.
— Я всё слышу.
— В этом и была цель.
Лили смеётся.
— Собаку можно маленькую.
— Нет.
— Совсем маленькую.
— Нет.
— Она будет жить у меня.
— Лили.
— Я буду сама кормить.
— Нет.
— Выгуливать.
— Нет.
— Убирать.
— Тем более нет.
Она дуется.
Через два дня я, скорее всего, буду смотреть объявления о собаках.
Мы оба это знаем.
Леон тоже.
Поэтому молчит и улыбается в кружку.
— Ну? — спрашивает он.
— Что?
— Выиграл?
— Разумеется.
— Он правда это сделал?
Вот теперь я смотрю на него.
Вопрос звучит слишком быстро.
Будто Леон ждал возможности его задать.
Но он всегда такой.
Редко спрашивает то, что принято спрашивать.
— Это не имеет значения.
— Для кого?
— Для суда.
— Я спросил не про суд.
Лили перестаёт рисовать.
— Он плохой?
Я перевожу взгляд на неё.
— Кто?
— Мужчина, которого ты защищал.
— Лили...
— Он плохой?
Двенадцать часов в суде.

Тридцать один пропущенный.

Сенатор.

Вашингтон.

И самый сложный разговор за день ждёт меня дома на ковре с синим карандашом в руке.

Снимаю пиджак.

Сажусь рядом с ней на пол.

— Люди редко бывают только плохими или только хорошими.

Она хмурится.

— Почему?

— Так устроены люди.

— Глупо.

Леон усмехается.

— Наконец-то в этой семье появился человек, который понимает жизнь.

— Не помогай.

Он поднимает руки.

Лили всё ещё смотрит на меня.

— Но если ты знаешь, что человек сделал что-то плохое, зачем ты ему помогаешь?

— Я не помогаю ему делать плохие вещи.

— А что ты делаешь?

— Слежу, чтобы с ним поступили по закону.

— Даже если он плохой?

— Особенно тогда.

Она не понимает.

Конечно.

Иногда мне кажется, что половина взрослых тоже не понимает.

— Закон должен работать одинаково для всех, — говорю я.

Леон тихо смеётся.

Смотрю на него.

— Что?

— Ничего.

— Говори.

Он ставит кружку на стол.

— Ты правда в это веришь?

— Во что?

— Что закон работает одинаково для всех.

— Я верю, что должен.

— Это не одно и то же.

Лили переводит взгляд с него на меня.

— Система не обязана быть справедливой.

— А какой она должна быть?

Вспоминаю журналистку у суда.

Её вопрос.

Разве это не одно и то же?

— Законной.

Леон медленно улыбается.

Не весело.

— Вот именно, Ти.

Я знаю эту улыбку.

Она означает, что сейчас он начнёт спорить.

О справедливости.
О законах.
О людях, которые их пишут и сами же нарушают.
Леон может заниматься этим часами.
Сегодня у меня нет сил.
— Есть будем?
Лили мгновенно поднимает голову.
— Пицца?
— Нет.
— Я хочу пиццу.
— Я уже ответил.
Леон ставит кружку на стол.
— Я голосую за пиццу.
— Никто тебя не спрашивал. Сегодня мы с Лили выбираем ужин.
Лили поднимает руку.
— Два против одного.
— Это не демократия.
— Почему?
— Потому что квартира моя.
Леон качает головой.
— Вот так и рождается диктатура.
— Можешь бороться с режимом из своей комнаты.
— Убедил. Пицца.
— Салат.
Лили смотрит на Леона.
Леон — на неё.
Потом оба переводят взгляд на меня.
Я выдерживаю секунд пять.
— Хорошо.
Лили вскидывает руки.
— Да!
— Но выбираю я.
— Нет!
— Тогда салат.
Она мгновенно сдаётся.
— Выбираешь ты.
Телефон вибрирует.
На экране появляется новое сообщение.
СРОЧНО.
Следом приходит ещё одно.
Несколько секунд смотрю на экран.
Потом переворачиваю телефон.
— С грибами не бери, — говорит Леон.
— Я помню.
— В прошлый раз взял.
— В прошлый раз заказывал ты.
— Неправда.
— У меня сохранился чек.
Леон смотрит на Лили.

— Вот поэтому нельзя жить с адвокатом.
Она совершенно серьёзно кивает.
— Я знаю.
Я улыбаюсь.
Бросаю галстук на спинку дивана.
Завтра снова будут суды.
Клиенты.
Звонки.
Люди, готовые платить мне безумные деньги, чтобы их проблемы стали моими.
Но это завтра.
— Закажи, — говорит Леон.
— Мой телефон занят.
— Чем?
Киваю на перевёрнутый экран.
— Игнорированием важных людей.
— Наконец-то достойное занятие.
Я переворачиваю телефон, смахиваю уведомления и открываю приложение.
Лили снова устраивается на ковре.
Музыка играет где-то на фоне.
Леон спорит со мной из-за размера пиццы.
Я спорю из принципа.
И впервые за весь день мне никуда не нужно торопиться.
Темная ночь.
После того дела мне угрожали часто.
В первые месяцы особенно.
Письма.
Звонки.
Сообщения.
Один ублюдок прислал фотографию моего дома.
Другой обещал отрезать мне член и отправить матери.
Полиция посоветовала не реагировать.
Я и не реагировал.
Людам быстро становится скучно, когда их ненависть никому не интересна.
Прошло два года.
Я решил, что они наконец нашли кого-нибудь другого.
Бармен кладёт передо мной счёт.
Телефон вибрирует рядом с пустым стаканом и замолкает раньше, чем я успеваю ответить.
На экране — незнакомый номер.
03:12.
Перезваниваю.
— Кто это?
— Выйди через служебную дверь.
Мужской голос.
Низкий.
Спокойный.
— Что?
— Я жду возле твоей машины.
— Кто ты?

Звонок обрывается.

Я расплываюсь.

— Машину здесь оставишь? — спрашивает бармен.

— Что?

Он кивает на пустые стаканы.

— Вызвать тебе такси?

— Я в порядке.

По его лицу видно, что он думает иначе.

Мне плевать.

Забираю пальто.

На улице холодно.

Дождь закончился совсем недавно.

Асфальт блестит под фонарями.

До машины меньше минуты.

Чёрный внедорожник стоит в переулке за баром.

Я сам выбрал это место.

Не люблю парковаться на улице.

Журналисты когда-то научили.

Хотя журналистов давно нет.

Дела тоже.

Остались только люди, которые иногда узнают меня в ресторанах и смотрят чуть дольше положенного.

Я научился не замечать.

Сворачиваю за угол.

И останавливаюсь.

Возле машины кто-то стоит.

Мужчина.

Тёмная куртка.

Руки в карманах.

Лица почти не видно.

Свет фонаря до него не дотягивается.

— Это ты звонил?

— Да.

Я оглядываюсь.

Переулок пуст.

Служебная дверь бара закрыта.

Где-то вдалеке проезжает машина.

— Отойди от моей машины.

Мужчина не двигается.

— Ты слышал?

— Слышал.

— Тогда отойди.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми?

— Только с теми, кто караулит меня возле машины в три часа ночи.

— Справедливо.

Он делает шаг вперёд.

И я замечаю.

Хромает.

Совсем немного.

Если не присматриваться, можно пропустить.
Правая нога.
Один шаг короче.
Следующий — обычный.
— Что тебе нужно?
— Поговорить.
— Мы уже поговорили.
Достаю ключи.
— Теперь проваливай.
Направляюсь к водительской двери.
Мужчина остаётся на месте.
Хорошо.
Может, действительно просто очередной псих.
Открываю машину.
— Ей сейчас шестнадцать.
Рука замирает на двери.
Я медленно поворачиваюсь.
Он стоит там же.
— Что?
— Девочке.
Внутри всё холодеет.
Не от страха.
От злости.
— Я не знаю, о ком ты.
— Знаешь.
— Нет.
— Четырнадцать тогда. Шестнадцать сейчас.
Отпускаю дверцу.
— Слушай внимательно.
— Слушаю.
— Дело закрыто.
— Я знаю.
— Обвинения сняты.
— Знаю.
— Тогда какого чёрта тебе нужно?
Мужчина чуть склоняет голову.
— Ты правда думаешь, что это одно и то же?
— Что?
— Закрытое дело и невиновность.
Я смеюсь.
Не могу удержаться.
— Господи. Ещё один.
— Их было много?
— Таких, как ты? Достаточно.
— Значит, многим не понравилось решение.
— Так решил закон.
Он молчит.
Я смотрю на него.
— Или ты считаешь себя умнее суда?

— Суда не было.

Улыбка медленно исчезает.

— Что?

— До суда дело не дошло.

— Какая разница?

— Большая.

Он отвечает слишком быстро.

Будто уже слышал этот вопрос.

Или сам на него отвечал.

— Нарушили цепочку хранения, — продолжает он. — Часть вещественных доказательств исключили. Без них обвинение развалилось.

— Значит, ты всё знаешь.

— Почти.

— Тогда знаешь и то, что я свободный человек.

— Знаю.

— Вот и прекрасно.

Снова берусь за дверцу.

— Ты закончил?

— Нет.

Что-то в его голосе меняется.

Совсем немного.

Но этого хватает.

Я отпускаю ручку.

— Ты кто?

Мужчина не отвечает.

— Родственник?

Молчит.

— Отец?

Нет.

Для отца он слишком молод.

— Брат?

— У неё нет брата.

Всматриваюсь в его лицо.

— Ты следил за ней?

— Я прочитал дело.

— Оно закрыто.

— Ты уже говорил.

— И что ты хочешь от меня услышать?

Он делает ещё шаг.

Вблизи хромота заметнее.

— Правду.

Я смеюсь.

— В три часа ночи?

— В это время люди врут хуже.

— Ты явно никогда не встречал адвокатов.

— Встречал.

От этой фразы мне становится не по себе.

Достаю телефон.

— Уходи.

— Или?

— Или позвоню в полицию.

Он смотрит на телефон.

— Звони.

Я медлю.

— Что?

— Позвони.

Мужчина вынимает руки из карманов.

Пустые.

— Скажи, что мужчина возле твоей машины спрашивает о деле двухлетней давности.

— Думаешь, они не приедут?

— Приедут.

— Тогда в чём проблема?

— Ни в чём.

Он едва заметно улыбается.

— Мне даже интересно, что ты им расскажешь.

Набираю 911.

Остаётся нажать кнопку вызова.

Но тогда придётся объяснять.

Снова фамилия.

Снова дело.

Снова вопросы.

А потом кто-нибудь сольёт журналистам, что я вызвал полицию из-за человека, заговорившего о той девочке.

Блокирую экран.

Мужчина замечает.

Конечно замечает.

— Так и думал.

— Не льсти себе.

Убираю телефон в карман пальто.

Ключи всё ещё зажаты в левой ладони.

— У тебя две минуты.

— Мне хватит.

— Говори.

Он смотрит прямо на меня.

— Ты её изнасиловал?

Я бью первым.

Не планирую.

Просто бью.

Кулак попадает в скулу.

Голова мужчины дёргается в сторону.

Он отступает.

Хватаю его за куртку.

— Ещё раз скажешь...

Удар приходится в живот.

Воздух выбивает из лёгких.

Я отпускаю куртку.

Мужчина отходит на шаг.

Выпрямляюсь.

— Ублюдок.
И снова бросаюсь на него.
На этот раз он готов.
Уходит в сторону.
Я задеваю его плечо.
Хватаюсь за ткань.
Он разворачивается.
Мы врезаемся во внедорожник.
Телефон вылетает из кармана и падает на асфальт.
Экран трескается.
Успеваю ударить ещё раз.
В челюсть.
Потом в бок.
Мужчина тяжело выдыхает.
Короткое удовлетворение.
Зря.
Следующий удар приходится мне под рёбра.
Боль простреливает тело.
Я сгибаюсь.
Он толкает меня.
Падаю на колено.
Ладонь скользит по мокрому асфальту.
— Всё? — спрашивает мужчина.
Поднимаю голову.
— Иди к чёрту.
Встаю.
Ключи выскальзывают из ладони и со звоном падают на землю.
Снова бросаюсь на него.
На этот раз хватаю выше.
Пальцы скользят по шее.
Ногти цепляют кожу.
Ткань.
Кожа.
Что-то остаётся под ногтями.
Мужчина резко выворачивается.
Я бью ногой.
Попадаю по правой голени.
Он отшатывается.
И только тогда издаёт звук.
Короткий.
От боли.
— Нога болит? — выдыхаю я.
Он смотрит на меня.
— Теперь — да.
Я усмехаюсь.
— Значит, хромать будешь сильнее.
Мужчина выпрямляется.
И тогда я понимаю.
Он не злится.

Не орёт.
Не бросается в ответ.
Просто смотрит.
Спокойно.
Слишком спокойно для человека, которого несколько раз ударили.
— Знаешь, что самое интересное, Даниэль?
Я тяжело дышу.
— Просвети.
— Ты до сих пор думаешь, что это разговор.
Его рука скользит под куртку.
В свете фонаря блестит металл.
Хмель исчезает мгновенно.
— Эй.
Мужчина приближается.
Я отступаю.
— Подожди.
Ещё шаг.
Теперь он заметно бережёт правую ногу.
— Послушай.
— Я слушал.
— Что тебе нужно?
— Я уже сказал.
— Деньги?
Он останавливается.
— Сколько?
Молчит.
— Десять тысяч?
Никакой реакции.
— Двадцать?
— Ты действительно думаешь, что всё можно купить?
— Почти всё.
— Верю.
— Пятьдесят.
Он смотрит на меня.
— Наличными. Завтра.
— Нет.
— Сто.
— Нет.
Отступаю ещё на шаг.
Спиной упираюсь во внедорожник.
— Тогда что?
Мужчина подходит ближе.
— Скажи правду.
— Какую?
— Ты знаешь.
— Я ничего ей не делал.
Только тогда на его лице появляется настоящее чувство.
Не злость.
Хуже.

Разочарование.

— Плохой ответ.

— Это правда.

— Нет.

— Откуда тебе знать?

— Я прочитал всё.

— Ты не был там.

— А ты был.

Я молчу.

Он ждёт.

— Она сама пришла, — говорю я.

Слова вырываются раньше, чем я успеваю их остановить.

Мужчина не двигается.

— Куда?

— На вечеринку.

— Ей было четырнадцать.

— Я не знал.

— Она сказала тебе.

— Она сказала, что ей восемнадцать.

— В твоих показаниях этого нет.

— Значит, следователь не записал.

— Следователь записал двадцать три страницы.

— Тогда я не помню.

— Удобно.

— Прошло два года.

— Для тебя.

Я смотрю на него.

— Чего ты хочешь?

— Уже ничего.

Мужчина делает последний шаг.

Теперь я вижу узкое лезвие в его руке.

— Стой.

Первого удара почти не чувствую.

Только давление.

Опускаю взгляд.

По рубашке быстро расползается тёмное пятно.

Снова смотрю на мужчину.

— Ты...

Второй удар приходит раньше, чем я заканчиваю.

Теперь появляется боль.

Резкая.

Горячая.

Хватаюсь за его плечо.

Пытаюсь удержаться.

Он смотрит мне в лицо.

Не отводит глаз.

— Закон меня отпустил, — выдыхаю я.

— Знаю.

Третий удар.

Ноги перестают держать.
Я сползаю по машине.
Сначала асфальта касаются колени.
Потом плечо.
Холодно.
Страннее всего именно это.
Холодно.
Мужчина стоит надо мной.
Пытаюсь вдохнуть.
Не получается.
— Ты псих.
Он молчит.
— Тебя найдут.
Он не отвечает.
— Слышишь?
Мужчина присаживается.
Теперь я вижу его лицо ближе.
Но свет остаётся у него за спиной, и черты расплываются.
— Тебя найдут, — повторяю я.
— Возможно.
— Тогда зачем?
Несколько секунд он смотрит на меня.
— Потому что иногда закон заканчивается раньше, чем справедливость.
Хочу рассмеяться.
Не получается.
Вместо этого кашляю.
Во рту появляется металлический вкус.
— Кто ты?
Мужчина смотрит на меня.
Долго.
Будто действительно решает, стоит ли отвечать.
Потом поднимается.
— Для тебя уже неважно.
Он отходит.
Первый шаг обычный.
Второй — короче.
Даже сейчас я это вижу.
Хромает.
Сильнее, чем раньше.
Хорошо.
Значит, всё-таки достал его.
Тянусь к телефону.
Он лежит совсем близко.
Экран разбит, но ещё светится.
Пальцы скользят по мокрому асфальту.
Не хватает нескольких сантиметров.
Мужчина останавливается у выхода из переуллка.
Оборачивается.
Я снова тянусь.

Ещё немного.
Телефон.
Нужно только вызвать полицию.
Успеть сказать:
Мужчина.
Тёмная куртка.
Хромает.
Пальцы почти касаются телефона.
Почти.
Но рука больше не слушается.
Последнее, что я вижу, — как он выходит из переулка.
Шаг.
Короткий.
Шаг.
Короткий.
А потом остаётся только мокрый асфальт.
И красный отблеск вывески в разбитом экране.

Глава 2. Детектив Джек Харрис

Телефон звонит в четыре семнадцать утра.

Первые несколько секунд я просто лежу и смотрю на цифры на прикроватной тумбе. 04:17.

Есть звонки, после которых можно перевернуться на другой бок.

Этот не из таких.

Тянусь за телефоном.

— Харрис.

— Доброе утро, красавица.

Закрываю глаза.

— Кларк, если ты звонишь мне в четыре утра, чтобы пофлиртовать, у тебя отвратительные стандарты.

— В четыре семнадцать.

— Тогда совсем другое дело.

— Бруклин. Уайт-стрит. Переулок за баром.

Я сажусь.

Сон слетает быстрее, чем хотелось бы.

— Что там?

— Мужчина. Около сорока. Нашли минут двадцать назад.

— Кто?

— Парень из доставки. Решил сократить дорогу.

Провожу ладонью по лицу.

Щетина скребёт кожу.

Похоже, бриться опять придётся на работе.

— Патрульные уже там?

— Угу.

— Криминалисты?

— Едут.

— Ты где?

— Возле твоего дома. Стою и думаю, зачем вообще с тобой дружу.

Я встаю.

Подхожу к окну.

Внизу у тротуара мигают аварийки.

— Больше никто тебя не терпит.

— Спускайся.

Он отключается.

Я бросаю телефон на кровать.

Квартира встречает меня тем же, чем провожала несколько часов назад.

Пустотой.

В темноте она кажется особенно большой.

Два года назад в четыре утра я старался двигаться как можно тише.

Не включал свет в коридоре.

Искал носки на ощупь.

Закрывал дверь в детскую, чтобы не разбудить Эмму.

Теперь можно хоть оркестр пригласить.

Никому не помешаю.

Натягиваю мягкую рубашку.

Джинсы.
Куртку.
На кухне открываю холодильник.
Пара бутылок пива.
Горчица.
Кусок сыра, который выглядит так, будто пережил развод вместе со мной.
Закрываю дверцу.
Кофе куплю по дороге.
Телефон вибрирует.
Я машинально смотрю на экран.
Эмма.
Сообщение пришло ещё вечером.
Я его не видел.
Пап, ты помнишь про субботу?
Чёрт.
Стою посреди кухни, глядя на экран.
Потом набираю:
Конечно. Обещал же.
Четыре двадцать четыре.
Увидит утром.
Убираю телефон в карман и выхожу.
— Ты выглядишь ужасно.
Я закрываю дверь машины.
— Доброе утро и тебе.
Кларк протягивает стакан.
— Кофе.
— Беру обратно всё плохое, что когда-либо о тебе говорил.
— Ненадолго.
Делаю глоток.
Горячий.
Горький.
Идеальный.
Кларк трогается с места.
Нью-Йорк за окном ещё не решил, спит он или уже проснулся.
Где-то горят окна.
Через перекрёсток ползёт мусоровоз.
На остановке стоит женщина в длинном пальто.
Такси проносится по пустой полосе.
Город никогда не выключается полностью.
Ночью лишь приглушает свет.
— Что знаем? — спрашиваю я.
— Почти ничего.
— Обнадёживает.
— Я знал, что ты оценишь.
Кларк усмехается.
Потом становится серьёзным.
— Мужчина лежал возле машины. Бумажник при нём. Телефон тоже. Часы дорогие.
— Значит, не ограбление.
— Похоже.

— Следы борьбы?
— Есть.
— Оружие?
— Не нашли.
Делаю ещё глоток кофе.
— Имя?
— Даниэль Брукс.
Что-то цепляется за память.
Не сразу.
Я хмурюсь.
— Откуда я его знаю?
— Я тоже вспоминал.
Кларк перестраивается в соседний ряд.
— Может, видел в новостях.
— Возможно.
Имя вертится где-то на краю памяти.
Близко.
Но ухватиться не получается.
— Судимости?
— Нет. Но в базе есть два старых дела. Нападение восемь лет назад — обвинение сняли.
Через четыре года домашнее насилие.
— Чем закончилось?
— Жена отказалась от показаний. Дело закрыли.
Я смотрю через лобовое стекло.
Теперь имя кажется ещё знакомее.
— История была громкая?
— Не настолько.
— Тогда откуда я его знаю?
— Может, вспомнишь, когда проснёшься.
— Я уже проснулся.
— Нет. Ты разговариваешь. Это разные вещи.
Машина сворачивает.
Синие вспышки появляются раньше, чем сам переулок.
Полицейские машины.
Жёлтая лента.
Фургон криминалистов.
Мокрый асфальт.
Дождь закончился недавно, но вода всё ещё стекает с крыш и собирается у бордюров.
Кларк паркуется.
Я допиваю кофе.
— Готов? — спрашивает он.
— Нет.
— Отлично. Выходим.
Холод сразу забирается под куртку.
— Ненавижу ноябрь.
Кларк хлопает дверью.
— Ты ненавидишь все месяцы.
— Это делает меня последовательным человеком.
У ленты показываем жетоны.

Молодой патрульный поднимает её.
— Детектив Харрис?
— Пока да.
Он явно не понимает, шучу я или нет.
Кларк проходит первым.
— Не обращай внимания. Он не спал.
— Я спал.
— Два часа не считается.
Переулок узкий.
С одной стороны — кирпичная стена бара.
С другой — задний фасад магазина.
Мусорные контейнеры.
Пожарная лестница.
Тусклая лампа над служебной дверью.
Запах мокрого кирпича, мусора и вчерашнего алкоголя.
И мужчина на асфальте.
Я останавливаюсь.
Вот этот момент особенно любят сериалы.
Музыка.
Крупный план.
Красивый детектив мрачно смотрит на тело и каким-то чудом сразу понимает, что произошло.
В жизни труп выглядит как труп.
Неловко.
Тяжело.
Неестественно.
Будто человек просто оказался там, где ему совершенно не место.
Даниэль Брукс лежит возле чёрного внедорожника.
Одна рука под телом.
Вторая вытянута к разбитому телефону.
Между пальцами и корпусом — несколько сантиметров.
Чуть дальше валяются ключи.
На лице кровь.
Много крови.
Я надеваю перчатки.
— Его двигали?
Молодой патрульный качает головой.
— Только пульс проверили. Я приехал первым.
— Кто нашёл?
— Курьер. Ехал через переулок и увидел тело.
— Где он?
— В машине. Напарник с ним разговаривает.
— Курьер к телу подходил?
— Говорит, нет.
— Все так говорят.
— Харрис.
Голос раздаётся справа.
Я оборачиваюсь.
Лэнг идёт к нам, натягивая перчатки.

Даже в такую рань он выглядит так, будто спал положенные восемь часов, позавтракал и успел подумать о смысле жизни.

Ненавижу таких людей.

— Ты опять выглядишь лучше меня.

— Я сплю по ночам.

— Извращенец.

Лэнг усмехается и присаживается возле тела.

Я опускаюсь рядом.

— Что скажешь?

— Скажу, что ты мешаешь мне работать.

— Кроме этого.

Лэнг осторожно отодвигает край пальто.

— Смерть наступила между тремя и четырьмя часами. Точнее скажу после осмотра.

— Причина?

— Не торопись.

— Я и не тороплюсь.

Он бросает на меня взгляд.

— Ты уже придумал три версии.

— Четыре.

— Вот и не женись ни на одной.

Я рассматриваю лицо Брукса.

Разбитая губа.

Ссадина на скуле.

На правой руке сбиты костяшки.

— Дрался.

— Похоже.

— Следы свежие?

— Предварительно. Остальное — после осмотра.

Кларк присаживается, с другой стороны.

— Под ногтями что-то есть.

Лэнг кивает.

— Видел. Возьмём образцы.

Я рассматриваю руки Брукса.

Хорошо.

Мёртвые редко помогают добровольно.

Но иногда всё-таки помогают.

— Значит, убийце могло достаться.

— Могло, — говорит Лэнг. — А Брукс мог подраться с кем-то раньше. Не женись на версии до первого свидания.

— У меня плохо с этим.

Кларк фыркает.

Я бросаю на него взгляд.

— Даже не начинай.

Он поднимает руки.

Лэнг отводит край рубашки.

Теперь становится не до шуток.

— Здесь.

Я наклоняюсь.

На ткани крови меньше, чем ожидал.

На коже — три раны.
Рядом.
Слишком рядом.
— Нож?
— Возможно.
— Опять?
— Хочешь точный ответ — дай мне тело, нормальный свет и несколько часов.
Я продолжаю смотреть на раны.
— Три?
— Пока вижу три.
— Случайные?
Лэнг поднимает на меня глаза.
— Это уже твоя работа.
Я встаю.
Оглядываю переулок.
Бар.
Ночь.
Алкоголь.
Драка.
Пьяный мужчина вышел к машине.
С кем-то сцепился.
Получил ножом.
Один из них не рассчитал силы.
Такие дела город выдаёт пачками.
И всё равно что-то не сходится.
— Камеры?
Кларк показывает наверх.
Одна висит над служебной дверью бара.
Вторая — на углу здания.
— Записи уже запросили.
— Свидетели?
— Бармен видел Брукса около трёх двадцати.
— Один?
— Вышел один.
— Пьяный?
— Очень.
— Кто-нибудь вышел следом?
— Бармен не заметил.
— Значит, спросим ещё раз.
Я подхожу к внедорожнику.
Водительская дверь приоткрыта.
— Машину трогали?
— Нет.
На полу валяется бумажный стакан.
На пассажирском сиденье — папка с документами.
В салоне нет ничего, что кричало бы об убийстве.
Пока всё выглядит обычно.
Слишком обычно.
— Где нашли бумажник?

— Во внутреннем кармане.
— Деньги?
И вижу, как он тоже вспоминает.
Улыбка исчезает.
— Чёрт.
— Именно.
Два года назад лицо Брукса было почти в каждом выпуске новостей.
Ступени суда.
Журналисты.
Полицейское оцепление.
Женщина, закрывающая дочь от камер.
Девочке было четырнадцать.
Бруксу — сорок.
— Его отпустили, — говорит Кларк.
— Оправдали?
— Нет. Дело развалилось раньше.
Теперь вспоминаю.
— Вещественные доказательства.
Кларк кивает.
— Проблемы с цепочкой хранения.
— Точно.
Часть улики признали недопустимыми.
Остального обвинению не хватило.
До присяжных дело не дошло.
Кларк смотрит на чёрный мешок, который криминалисты раскладывают рядом с телом.
— Он это сделал?
— Не знаю.
— Джек.
— Я помню дело.
— Тогда помнишь, что все знали.
Я смотрю на него.
— Все решили.
— Не начинай.
— Я не начинаю. Не хочу, чтобы чужая уверенность стала нашим доказательством.
Кларк проводит языком по внутренней стороне щеки.
Он злится.
Не на меня.
— Девочке было четырнадцать.
— Я помню.
— А он остался свободным.
— Без приговора.
— Какая разница?
— Для нас — большая.
Он смотрит на меня.
— Иногда ты бесишь меня не меньше адвокатов.
— Переживу.
Кларк снова переводит взгляд на Брукса.
— Ублюдок.
— Теперь мёртвый.

— Думаешь, от этого мне легче?

— Нет.

И мне тоже.

Два года назад половина города хотела крови Даниэля Брукса.

Сегодня кто-то её получил.

Совпадение?

Вполне возможно.

У таких людей хватает врагов.

Но теперь вопрос не только в том, как он умер.

Почему именно он?

— Джек.

Оборачиваюсь.

Один из криминалистов держит прозрачный пакет с телефоном Брукса.

— Тут кое-что есть.

Подхожу.

— Что?

Он показывает экран.

— Телефон нашли разблокированным. Последний входящий — пропущенный вызов с номера, которого нет в контактах.

— Когда?

— В три двенадцать.

— После него что-нибудь было?

— Брукс сам перезвонил на тот же номер. Разговор длился семнадцать секунд.

Кларк подходит ближе.

— Тело нашли в три пятьдесят восемь.

— Угу.

Смотрю на машину.

Приоткрытая дверь.

Ключи на асфальте.

Разбитый телефон.

Брукс либо собирался уехать, либо только подошёл к машине.

— Его могли выманить из бара, — говорит Кларк.

— Могли.

— Номер пробиваем?

Криминалист кивает.

— Запрос уже передали.

— Хорошо. Бармена попросите подождать. Я поговорю с ним сам.

— Понял.

Отхожу к стене.

Рука сама тянется к внутреннему карману.

Пачки там нет уже три месяца.

Привычка осталась.

Кларк замечает движение.

Разумеется.

— Три месяца?

— Три.

— Неплохо.

— Не привыкай.

Он становится рядом.

Мы наблюдаем, как криминалисты работают возле тела.

— Думаешь, его убили из-за девочки? — спрашивает Кларк.

— Нет.

— Но ты об этом подумал.

— Конечно.

— Я тоже.

— Вот это меня и беспокоит.

Он поворачивается ко мне.

— Почему?

— Мы знаем о Бруксе одну громкую мерзкую историю и уже тянем её в мотив.

— Подходящий мотив.

— Слишком подходящий.

Кларк молчит.

— Сначала выясним, чем Брукс жил последние два года, — продолжаю я. — С кем встречался. Кому звонил. Кому задолжал. С кем спал. Кому угрожал. Кто угрожал ему. Потом решим, какая часть его жизни привела убийцу в этот переулок.

— А девочка?

— Поднимем материалы старого дела и поговорим с теми, кто его вёл.

— Семья?

— Только если факты приведут к ним.

Он кивает.

Я не люблю версии, которые рождаются раньше фактов.

Они делают копов ленивыми.

А ленивые копы отправляют невиновных в тюрьму.

За спиной застёгивается молния.

Оборачиваюсь.

Чёрный мешок скрывает лицо Даниэля Брукса.

Через несколько минут его увезут.

Потом будет вскрытие.

Камеры.

Звонки.

Банковские выписки.

Свидетели.

История браузера.

Люди, которые любили его.

Люди, которые ненавидели.

Сотни часов чужой жизни, которые нам придётся разобрать по кускам, чтобы восстановить последние двадцать минут.

Я смотрю туда, где дождь почти смыл следы уходящего человека.

Один шаг длиннее.

Следующий короче.

Человек, уходивший из переулка, хромал.

За несколько минут до смерти Бруксу позвонили с незнакомого номера.

Пока немного.

Но любое большое дело когда-то помещалось на одном листе блокнота.

Я достаю свой.

Записываю:

БРУКС.

03:12 — НЕЗНАКОМЫЙ НОМЕР.

ХРОМОТА.

И обвожу последнее слово.

Обычная работа.

Обычное убийство.

Сейчас оно выглядит именно так.

Телефон в кармане вибрирует.

Достаю.

Эмма.

Я знала, что ты не забудешь (сердечко)

Шесть слов.

Одно сердце.

А чувство такое, будто мне только что выдали кредит доверия, которого я совершенно не заслужил.

Кларк заглядывает через плечо.

— Дочь?

Убираю телефон.

— Угу.

— Что в субботу?

— Ужин.

— Пойдешь?

Смотрю, как носилки закатывают в фургон.

— Обещал.

Кларк переводит взгляд на меня.

— Я не это спросил.

— Пойду.

— Хорошо.

— Почему ты говоришь, как моя жена?

— Бывшая жена.

— Вот поэтому ты одинок.

— А ты?

Смотрю на него.

Засранец.

Кларк улыбается.

— Именно.

Двери фургона закрываются.

Запускается двигатель.

— Поехали, — говорю я.

— Куда?

— В отдел.

Кларк смотрит на часы.

— Сейчас пять утра.

— Поздравляю.

— У меня была надежда на завтрак.

— Купим по дороге.

— За твой счёт?

Я направляюсь к машине.

— Не наглей.

Кларк усмехается и садится за руль.

Я снова достаю телефон.

Открываю переписку с Эммой.

Печатаю:

В семь. Я буду.

Отправляю.

В субботу я поужинаю с дочерью.

Это всего лишь ужин.

Всего пара часов.

На этот раз работа подождёт.

По крайней мере, именно это я обещаю себе в пять утра в переулке за баром.

Глава 3. Теодор Картер

— Сколько?

Мужчина напротив перестаёт теревить обручальное кольцо.

— Что?

— Сколько их было?

Он смотрит на адвоката, который пришёл вместе с ним.

Тот сидит справа, почти вжавшись в кожаное кресло.

Лет тридцать.

Хороший костюм, дорогие часы и выражение человека, уже осознавшего, что это дело ему не по зубам.

Вот зачем сегодня утром они пришли ко мне.

— Трое, — отвечает Кейн.

Я откидываюсь на спинку кресла.

— А в показаниях двое.

— Я знаю.

— Прекрасно. Значит, первую проблему мы уже нашли.

— Теодор...

— Мистер Картер, — поправляет Эвелин и закрывает за собой дверь.

Я едва сдерживаю улыбку.

Эвелин работает со мной десять лет и считает фамильярность одним из признаков скорого краха цивилизации.

Мужчина сглатывает.

— Мистер Картер, я пришёл к вам за помощью.

— Нет. Вы пришли ко мне после того, как четыре месяца ввали полиции, прокуратуре и собственному адвокату. Помощь вам была нужна раньше. Сейчас вам нужно чудо.

Его адвокат подаётся вперёд.

— Именно поэтому мы здесь.

Я перевожу взгляд на него.

— Тогда не мешайте мне его совершить.

Он замолкает.

Умный.

Всё-таки не безнадёжен.

Я открываю папку.

Эдвард Кейн. Сорок шесть лет.

Владелец транспортной компании.

Две недели назад федеральная прокуратура предъявила ему обвинения в участии в преступном сговоре, отмывании денег и сокрытии доказательств по делу об убийстве.

Кейн утверждает, что занимался только перевозками.

Прокуратура считает иначе.

Я пока тоже.

— Начнём ещё раз, — говорю я. — С самого начала. И на этот раз вы расскажете мне правду.

— Я уже рассказал.

Закрываю папку.

— Тогда можете идти.

Он растерянно моргает.

— Что?

— Дверь за вами.

— Но...

— Я не работаю с клиентами, которые врут мне.

— Я не вру.

— Трое.

Он замолкает.

Я смотрю на него.

— В показаниях двое. Мне вы только что сказали — трое. Либо за последние пять минут у вас появился дополнительный покойник, либо вы врёте. Я предпочитаю второй вариант. Он юридически удобнее.

Кейн проводит ладонью по лицу.

— Я не убивал их.

— Я не спрашивал.

— Я вообще не знал, что их убьют.

— Этого я тоже не спрашивал.

— Тогда что вы хотите услышать?

Я наклоняюсь вперёд.

— Всё, что вы так старательно пытаетесь от меня скрыть.

Он смотрит на меня.

Я жду.

Кейн выдерживает семь секунд.

На восьмой начинает говорить.

— Это была обычная перевозка. Мне позвонил Маркес. Сказал, нужны две машины.

— Маркес — это?

— Луис Маркес.

Делаю пометку.

— Продолжайте.

— Мы работали раньше. Я не задавал вопросов.

— Очень предусмотрительно.

Кейн делает вид, что не слышал.

— Водители забрали груз возле границы. Должны были доставить его на север.

— Какой груз?

— Я не знал.

Поднимаю глаза.

Кейн выдыхает.

— Наркотики.

— Уже лучше.

— Я узнал потом.

— Конечно.

Его адвокат снова пытается вмешаться:

— Мой клиент...

Я поднимаю руку.

Он закрывает рот.

— Что произошло с людьми?

Кейн снова трогает кольцо.

Вот теперь мы подошли туда, куда он не хотел идти.

— Маркес решил, что они работают на конкурентов.

— Кого он заподозрил?

— Трёх своих людей.

— И?
— Их допрашивали.
— Где?
Кейн касается языком пересохшей губы.
— За городом.
— Где именно?
— На старой ферме.
Делаю пометку.
— Продолжайте.
— Там давно никто не жил. Дом почти развалился. Остался только...
— ...амбар, — заканчивает Кейн.
Ручка замирает над бумагой.
Кабинет остаётся прежним.
Кейн всё ещё сидит, напротив.
За окном движется город.
Где-то в коридоре звонит телефон.
Но на короткий миг я вижу другое.
Старые доски.
Серые.
Рассохшиеся.
Между ними — узкая щель.
Я моргаю.
Картинка исчезает.
— Мистер Картер?
Смотрю на Кейна.
— Что?
— Вы спросили, где их держали.
— Да.
Крепче сжимаю ручку.
— Продолжайте.
Он бросает быстрый взгляд на адвоката.
— В амбаре.
— Я услышал.
Мой голос звучит ровно.
Так и должен звучать.
— Что произошло дальше?
— Я там не был.
— Но знаете.
— Мне рассказали.
— Кто?
— Маркес.
— Зачем?
— Не знаю. Он был пьян.
Большой палец Кейна снова находит обручальное кольцо.
— Рассказывал всё подряд. Смеялся. Говорил, что один из них умолял его отпустить.
Под рёбрами сжимается тугой узел.
— Дальше.
— Их убили.
— Как?

— Двоих застрелили.
— А третьего?
— Не знаю.
— Знаете.
Кейн опускает глаза.
— Его били.
— До смерти?
— Думаю, да.
Пальцы холодеют.
Я медленно кладу ручку на стол.
— Что сделали с телами?
Кейн смотрит на стол.
Слышу часы на стене.
Раньше их тиканье не мешало.
Сейчас каждый удар отдаётся в висках.
— Мистер Кейн.
Он поднимает глаза.
— Что сделали с телами?
— Увезли.
Перед глазами возникает серая доска.
Щель.
За ней темно.
— Куда?
— Не знаю.
— Ваша компания предоставила машины.
— Да.
— И вы не знаете, куда они приехали?
— Перед фермой отключили трекеры. Там мои водители сменились. Дальше машины повели люди Маркеса.
— Кто загружал тела?
Кейн втягивает воздух.
— Они же.
— Во что?
Он хмурится.
— Простите?
— Тела. Как их перевозили?
— Мистер Картер, какое это имеет...
Я смотрю на него.
Он осекается.
Вопрос почти бесполезен для защиты.
Но я всё равно его задаю.
— Во что их положили?
Кейн пожимает плечами.
— В мешки.
Воздух застревает в лёгких.
— Какие?
Он смотрит на меня так, будто вопрос кажется ему странным.
Мне тоже.
— Обычные.

— Какие, Кейн?
— Чёрные.
Земля.
Руки.
Мои.
Грязь под ногтями.
Деревянная рукоять лопаты натирает ладони.
Лезвие входит в землю.
Раз.
Ещё.
Ещё.
Жарко.
По спине течёт пот.
Хочется пить.
Рядом звучит мужской голос.
Низкий.
Грубый.
Слов не разобрать.
Но голос я узнаю.
Отец.
А потом — щель между досками.
Темнота.
Шорох по земле.
К амбару волокут что-то тяжёлое.
Чёрное.
Я резко встаю.
Стул отъезжает назад.
Кейн вздрагивает.
Его адвокат смотрит на меня.
— Мистер Картер?
Подхожу к окну.
Нью-Йорк внизу продолжает жить так, словно этот кабинет только что не исчезал.
Машины.
Люди.
Светофоры.
Прижимаю пальцы к холодному стеклу.
— Нам нужен перерыв.
— Всё в порядке?
— Абсолютно.
Ложь даётся легко.
Как всегда.
— Эвелин.
Дверь открывается почти сразу.
— Да?
— Пятнадцать минут.
Она смотрит на меня чуть дольше обычного.
Плохой знак.
Эвелин замечает слишком много.
— Конечно.

Кейн поднимается.

— Мы можем...

— Через пятнадцать минут.

Они выходят.

Дверь закрывается.

Ещё мгновение стою возле окна.

Потом возвращаюсь к столу.

Беру стакан с водой.

Рука дрожит.

Едва заметно.

Но дрожит.

Ставлю стакан обратно.

Смотрю на пальцы.

Взрослые.

Чистые.

Без земли под ногтями.

Это всего лишь память.

Иногда достаточно одного слова, чтобы вытащить наружу то, что годами держалось под замком.

Амбар.

Я давно о нём не вспоминал.

И совершенно не собирался начинать сегодня.

Закрываю глаза.

Доски.

Щель.

Земля.

Мои руки.

Лопата.

Голос отца.

Открываю глаза.

— Что за чёрт...

Я знаю это место.

Знаю запах нагретого дерева.

Помню землю под ногтями.

Помню, как рукоять лопаты натирала ладони.

А дальше — ничего.

Что мы там закапывали?

Подхожу к шкафу.

Достаю бутылку виски.

Смотрю на часы.

Десять утра.

Возвращаю бутылку на место.

День ещё не настолько плох.

Заставляю себя думать о доме.

Утром Лили поймала меня в прихожей.

— Ты сегодня придёшь рано?

— Постараюсь.

— Ты всегда так говоришь.

— Тогда сегодня постараюсь лучше.

Она нахмурилась.
— Обещаешь?
Вот теперь стало сложнее.
Обещания Лили воспринимает буквально.
Если сказать «да», в восемь вечера она будет сидеть в гостиной и прислушиваться к лифту.
В девять начнёт злиться.
В десять обидится.
А завтра сделает вид, что вообще меня не ждала.
Я слишком хорошо её знаю.
— К восьми.
— Это не обещание.
Разумеется.
— Хорошо. Обещаю.
Она протянула мизинец.
Я зацепил его своим.
Стоит вспомнить об этом — и серые доски отступают.
Не исчезают.
Просто снова становятся прошлым.
А Лили — настоящим.
Амбар никуда не делся.
Отец тоже.
Но между тем днём и сегодняшним утром лежит целая жизнь.
У меня есть работа.
Дом.
Леон.
Лили.
Жизнь, которую я построил сам.
Прошлому придётся подождать.
Через четырнадцать минут Кейн снова сидит напротив меня.
Я открываю папку.
— Продолжим.
Он кивает.
— Вы остановились на моменте, когда вошли внутрь.
— Да.
— Что произошло потом?
Кейн начинает говорить.
Я записываю.
Машины.
Водители.
Маркес.
Ферма.
Время.
Имена.
Амбар больше не возникает перед глазами.
К концу встречи у меня исписано одиннадцать страниц.
На последней ставлю точку.
Закрываю папку.
— Теперь я знаю, с чего начинать.

Кейн смотрит на меня.

— С чего?

— С третьего покойника.

Он хмурится.

— И что это меняет?

— Пока не знаю.

— Тогда почему вы решили начинать с него?

— Потому что прокуратура построила дело на версии, в которой его не существует.

— Но вы ещё не нашли ошибку.

— За это вы мне и платите.

Он ещё секунду смотрит на меня.

Потом качает головой.

Я нажимаю кнопку селектора.

— Эвелин, проводи мистера Кейна.

Встаю.

Кейн тоже.

На прощание он протягивает руку.

Я пожимаю её.

Крепко.

Спокойно.

Рука больше не дрожит.

Дверь за ним закрывается.

На столе остаётся папка.

Я снова открываю её.

На верхнем листе — одно слово.

Подчёркнутое дважды.

АМБАР.

Переворачиваю страницу.

Не сегодня.

Глава 4. Теодор Картер

— Вы опоздали.

Я смотрю на часы.

— На три минуты.

— На четыре.

— Значит, ваши часы спешат.

Доктор Адриан Коул не отвечает.

Просто смотрит на меня поверх тонкой металлической оправы.

Я снимаю пальто и кладу его на спинку кресла.

— Что?

— Ничего.

— Вы так смотрите, когда хотите что-то сказать.

— А вы начинаете защищаться ещё до того, как я что-то сказал.

Я сажусь.

— Профессиональная деформация.

— Удобное объяснение.

— Поэтому я им и пользуюсь.

Коул делает пометку в блокноте.

Меня раздражает его блокнот.

Точнее, не сам блокнот.

Меня раздражает, что я не знаю, что он туда пишет.

— Как прошла неделя?

— Прекрасно.

— Тогда увидимся в следующий четверг.

Я смотрю на него.

Коул откладывает ручку.

— Раз всё прекрасно, моя помощь вам не нужна.

— Я плачу вам не за остроумие.

— За него я денег не беру.

Мне хочется улыбнуться.

Но я не позволяю себе.

Я хожу к Коулу почти год.

Первые три месяца был уверен, что скоро перестану.

Потом решил, что ещё несколько встреч не повредят.

Через полгода перестал придумывать объяснения.

Возможно, именно поэтому он мне нравится.

Он никогда не спрашивает, зачем я продолжаю приходить.

— Вчера я кое-что вспомнил, — говорю я.

Коул не меняется в лице.

Не тянется сразу за блокнотом.

За это я тоже ему плачу.

— Что именно?

— Не знаю.

— Вы только что сказали, что вспомнили.

— Я вспомнил место. Не помню, что там произошло.

Откидываюсь в кресле.

За окном идёт дождь.

Кабинет Коула находится на двадцать первом этаже, но он каким-то образом умудрился сделать его похожим на комнату загородного дома.

Книги.

Дерево.

Кресла.

Ни одного диплома на стенах.

Когда я впервые спросил почему, он ответил: «Если вам понадобится проверить мою квалификацию, секретарь предоставит документы».

Тогда я понял, что мы поладим.

— Вчера у меня был клиент, — начинаю я. — Организованная преступность. Наркотики. Несколько убийств.

— Обычный вторник.

— Среда.

— Простите.

— Он рассказывал о месте, где держали людей.

— И?

Я провожу большим пальцем по краю часов.

— Там был амбар.

— Амбар?

— Да.

— Что произошло, когда вы услышали это слово?

— Ничего.

Коул ждёт.

— Перед глазами появилась картинка.

— Какая?

— Доски.

Он берёт ручку.

— Какие?

— Старые.

— Что ещё?

— Щель между ними.

— Что было за ней?

Я поднимаю взгляд.

— Я не говорил, что смотрел сквозь неё.

Коул выдерживает мой взгляд.

— Хорошо. Что вы увидели дальше?

Я молчу.

Чёрный полиэтилен.

Земля.

Лопата.

Пальцы.

Маленькие.

— Теодор?

— Мешки.

— Какие?

— Чёрные.

Он записывает.

— Вы знали, что было внутри?

— Понятия не имею.

— Вы считаете, что это было воспоминание?

Вот теперь вопрос мне не нравится.

— Нет.

— Почему?

— Потому что люди не вспоминают прошлое, услышав слово «амбар». Я не дешёвый герой фильма.

— Иногда вспоминают.

— Очень удобно для вашей профессии.

— И крайне неудобно для вашей.

Я усмехаюсь.

Коул ждёт.

— Кейн говорил о том, что увидел в доме, — продолжаю я. — Мозг зацепился за знаковую деталь и достроил остальное. Только и всего.

— Возможно.

— Вы произносите это так, будто не согласны.

— Я пока ничего не утверждаю.

— Очень предусмотрительно.

Он снова ждёт.

— Были ещё руки.

— Чьи?

— Не знаю.

— Мужские?

— Детские.

Коул перестаёт писать.

Всего на секунду.

Но я замечаю.

— Что?

— Я ничего не сказал.

— Зато перестали писать.

— Вы всегда так внимательно следите за людьми?

— Это моя работа.

— Здесь нет суда.

— Только для вас.

Он закрывает блокнот.

— Вот это уже интереснее.

— Что именно?

— Вы пришли сюда сами. Платите мне довольно много денег. Рассказываете о том, что вас беспокоит. И всё равно ведёте себя так, будто моя задача — поймать вас на лжи.

— А разве нет?

— Нет.

— Скучная профессия.

— Возможно.

Он чуть подаётся вперёд.

— Чьи это были руки?

Я смотрю на него.

— Мои.

— Вы уверены?

— Да.

— Сколько вам было?

— Девять.
— Что вы делали?
— Копал.
— Что?
— Вот этого я не помню.
— Что вы почувствовали?
— Раздражение.
— Из-за воспоминания?
— Из-за того, что оно появилось без моего разрешения.
Коул смотрит на меня.
— Воспоминания обычно не спрашивают разрешения.
— Мои должны.
— Почему?
Я выдерживаю его взгляд.
— Потому что они мои.
Он кивает.
Будто именно этого и ждал.
— Вас пугает не то, что вы увидели.
— Меня вообще сложно напугать.
— Вас пугает отсутствие контроля.
— Это уже ближе.
— Поэтому вы стали адвокатом?
Я улыбаюсь.
— Переход впечатляет.
— Ответ?
— Потому что я хорошо спору.
— Теодор.
— И люблю деньги.
— Теодор.
— Хорошо.
Я меняю положение в кресле.
— Закон предсказуем.
— Правда?
— В достаточной степени.
— Ваша работа состоит в том, чтобы доказывать обратное.
— Нет. Моя работа состоит в том, чтобы знать правила лучше человека, напротив.
— То есть контролировать ситуацию.
— Управлять.
— Есть разница?
— Огромная.
— Какая?
Я собираюсь ответить.
И понимаю, что не хочу.
Коул замечает.
Разумеется.
— Расскажите об амбаре.
— Мне нечего рассказывать.
— Возле дома, в котором вы выросли, был амбар?
Я смотрю на него.

Где-то под рёбрами становится холодно.
Не страх.
Я не даю этому имени.
— Был.
— Вы бывали там?
— Наверняка.
— Не помните?
— Мне было девять.
— Девятилетние дети многое помнят.
— И многое забывают.
— Особенно если хотят забыть.
Я медленно улыбаюсь.
— Осторожнее, доктор.
— С чем?
— Вы только что подменили отсутствие воспоминаний желанием их забыть.
— Справедливо.
Он признаёт это слишком легко.
Никакого удовольствия от победы.
— Тогда сформулирую иначе. Что вы помните о том доме?
Я смотрю на часы.
— У нас осталось двадцать семь минут.
— Вы считаете?
— Я всегда считаю.
— Я заметил.
Он ждёт.
Я на секунду закрываю глаза.
Дом.
Лестница.
Кухня.
Голос матери.
Мотоцикл Леона под окнами.
Лили на полу с куклой.
Отец.
А дальше — будто кто-то провёл чёрную черту.
— Мать готовила по воскресеньям, — говорю я. — Леон постоянно выводил отца из себя. Лили таскала домой всё живое, что находила на улице.
— А вы?
Я открываю глаза.
— Что я?
— Каким ребёнком были вы?
— Удобным.
— Для кого?
Вопрос простой.
Ответ почему-то не приходит.
— Для всех.
— Удобные дети обычно очень внимательно следят за настроением взрослых.
Я молчу.
— Чтобы заранее понять, когда лучше исчезнуть из комнаты, — продолжает Коул. — Когда не задавать вопросов. Когда быть незаметным.

Челюсть напрягается.

— Вы сейчас пытаетесь рассказать мне моё детство?

— Нет. Проверяю гипотезу.

— Плохую.

— Тогда опровергните.

Я смотрю на него.

Засранец.

Умный.

— Отец пил.

— Много?

— Достаточно.

— Он был агрессивным?

Я не отвечаю.

Коул не повторяет вопрос.

За окном дождь сильнее бьёт по стеклу.

— Леон обычно вмешивался, — говорю я.

— Когда отец злился?

— Да.

— Защищал вас?

— Иногда.

— А Лили?

— Её — всегда.

— Кто защищал вас, когда Леона рядом не было?

В голове что-то сдвигается.

Совсем немного.

Как дверь, которую толкнули, с другой стороны.

Я вижу дерево.

Грязь.

Щель.

И слышу голос.

Не слова.

Только интонацию.

Низкую.

Злую.

Я резко открываю глаза.

Коул смотрит на меня.

— Что произошло?

— Ничего.

— Теодор.

— Я сказал — ничего.

— Вы побледнели.

— Здесь отвратительное освещение.

— А руки?

Я опускаю взгляд.

Пальцы сжаты на подлокотниках.

Разжимаю.

— Что с ними?

— Вы вцепились в кресло.

— Переживёт.

Коул молчит.
И впервые за весь сеанс мне хочется, чтобы он снова начал задавать вопросы.
Но он не начинает.
Это раздражает ещё сильнее.
— Что? — спрашиваю я.
— Я жду.
— Чего?
— Когда вы перестанете со мной бороться.
— Можете ждать долго.
— У нас двадцать две минуты.
Я усмехаюсь.
— Ненавижу вас.
— Нет.
— Самоуверенно.
— Вы бы не приходили.
Я отвожу взгляд.
С этим сложно спорить.
— Я хочу понять, что это было.
— Тогда придётся допустить, что ответ может вам не понравиться.
— Я переживу.
— Я не сомневаюсь.
Коул снова берёт блокнот.
— Но я не хочу, чтобы вы пытались самостоятельно вытянуть продолжение.
— Почему?
— Потому что память не видеозапись. Чем настойчивее вы будете заполнять пробелы, тем выше вероятность, что начнёте их достраивать.
— То есть предлагаете ничего не делать?
— Предлагаю не превращать отсутствие ответа в ответ, который вам понравится.
Мне нравится эта формулировка.
— Что тогда делать?
— Наблюдать. Если образ повторится, запишите, что было непосредственно перед ним.
Слово. Запах. Звук. Только факты. Без интерпретаций.
— Вы сейчас советуете адвокату не интерпретировать факты?
— Поэтому я понимаю, насколько вам будет тяжело.
Я встаю.
— На сегодня хватит.
Коул смотрит на часы.
— У нас ещё семнадцать минут.
— Подарок. Отдохните.
Беру пальто.
— Теодор.
Останавливаюсь у двери.
— Что?
— Не пытайтесь открыть дверь силой.
Я смотрю на него.
— Какую дверь?
— Ту, которую ваша память пока держит закрытой.
Кладу руку на дверную ручку.
— Вы любите красивые метафоры.

— А вы их не любите?
— Я предпочитаю факты.
Открываю дверь.
— До следующего четверга, доктор.
— До следующего четверга.
Выхожу в коридор.
Только в лифте понимаю, что всё это время думаю об одном.
Не об амбаре.
Не о собственных детских руках.
О двери.
Не пытайтесь открыть её силой.
Смотрю на своё отражение в металлической стене.
Коул прав только в одном.
В моём детстве есть что-то, чего я не помню.
И теперь, когда я знаю, что оно там, оставить его в покое уже не получится.
Лифт останавливается на первом этаже.
Я выхожу.
Мне всегда плохо давались закрытые двери.
Вторая тёмная ночь.
Я выхожу через служебную дверь в двадцать три тридцать семь.
Знаю точно.
Перед тем как убрать телефон, смотрю на время.
Четыре пропущенных от Сары.
Одно сообщение.
Ты скоро?
Пишу:
Еду.
Ложь небольшая.
Минут на двадцать.
Машина стоит за углом, но сначала мне нужно выкурить сигарету.
В баре теперь нельзя.
На улице тоже много где нельзя.
Скоро, наверное, запретят дышать.
Дверь захлопывается за спиной.
Музыка становится глухой.
Переулок пуст.
Фонарь над входом опять не работает.
Три месяца прошу управляющего вызвать электрика.
Три месяца он обещает.
Достаю сигареты.
Щёлкаю зажигалкой.
— Ты опоздал.
Огонёк гаснет.
Я оборачиваюсь.
У стены стоит мужчина.
Несколько секунд не могу разглядеть его лица.
Потом он выходит из тени.
И я узнаю его.
— Ты?

Вот кого я точно не ожидал здесь увидеть.
— Какого чёрта ты здесь делаешь?
— Жду тебя.
Смотрю на закрывшуюся дверь.
Потом на него.
— Откуда ты узнал, что я здесь?
Он не отвечает.
— Следил за мной?
— Нет.
— Тогда откуда?
— Ты всегда приходишь сюда по четвергам.
Сигарета остаётся между пальцев.
Не помню, чтобы когда-нибудь говорил ему об этом.
— И давно ты изучаешь моё расписание?
— Недолго.
Он подходит ближе.
Правая нога чуть запаздывает.
Я раньше не замечал его хромоту.
Сегодня она почему-то действует на нервы.
— Если хотел поговорить, мог позвонить.
— Мог.
— И?
— Ты бы не ответил.
— Тогда, наверное, это должно было что-то тебе подсказать.
Подношу зажигалку к сигарете.
— Говори. У меня пять минут.
— Оливия Морган.
Огонь касается кончика сигареты.
Я замираю.
Медленно опускаю руку.
— Что?
— Оливия Морган.
Я смотрю на него.
Имя звучит здесь неправильно.
Особенно из его уст.
— Зачем ты её вспомнил?
— Я не забывал.
— Ты её даже не знал.
— Это имеет значение?
— Обычно люди не караулят знакомых по ночам из-за мёртвых девушек, которых никогда не встречали.
Он молчит.
И мне становится неуютно.
Совсем немного.
— Что тебе нужно?
— Ответ.
— На какой вопрос?
— Почему ты улыбался?
Я хмурюсь.

— Когда?
— Когда присяжные вернулись в зал.
Несколько секунд пытаюсь понять, о чём он.
Потом понимаю.
И едва не смеюсь.
— Ты серьёзно?
— Вполне.
— Ты пришёл сюда спросить, почему я улыбался больше года назад?
— Да.
— Потому что меня оправдали.
— Я знаю.
— Тогда в чём вопрос?
— Оливия сидела через два ряда от тебя.
Сигарета тлеет между пальцами.
Я больше не курю.
— И?
— Она плакала.
— И?
Он смотрит на меня.
Вот теперь я понимаю, что ответ был неправильным.
— Осторожнее, — говорю я.
— С чем?
— С тем, куда ведёшь этот разговор.
— А куда я его веду?
— Не знаю. Но советую остановиться.
— Она просила тебя о том же?
Я бросаю сигарету.
— Всё. Закончили.
Иду к улице.
Он не преграждает дорогу.
Просто разворачивается следом.
Шаг.
Ещё один.
Правый — чуть короче.
— Я сказал, закончили.
— Ты сказал много вещей.
Останавливаюсь.
— Например?
— Что она сама пришла в номер.
Я поворачиваюсь.
— Ты читал материалы дела?
— Да.
— Тогда знаешь, чем всё закончилось.
— Знаю.
— Невиновен.
— Именно это они сказали.
— Потому что достаточных доказательств не было.
— Были.
Челюсть напрягается.

— Значит, плохо читал.

— Волокна с её одежды были на твоей кровати. Твоя кожа — под её ногтями. Камера гостиницы сняла, как она пыталась уйти через двадцать минут после того, как вы поднялись в номер.

— И всё это слышали присяжные.

— Да.

— И?

Он молчит.

Я усмехаюсь.

— Вот именно.

Его лицо почти не меняется.

Но взгляд меняется.

Едва заметно.

— Что?

— Ты снова улыбнулся.

Я смотрю на него.

— Господи.

Достаю ключи.

— Найди психотерапевта.

— Уже поздно.

Я не сразу понимаю ответ.

Поднимаю глаза.

Он смотрит прямо на меня.

Ни улыбки.

Ни злости.

Вообще ничего.

Почему-то именно сейчас хочется оказаться ближе к улице.

— Ты пьян? — спрашиваю я.

— Нет.

— Тогда что с тобой?

— Со мной всё хорошо.

— Не похоже.

— Роберт.

Впервые за весь разговор он произносит моё имя.

Очень спокойно.

— Что?

— Она сказала «нет»?

Я смотрю на него.

— Пошёл ты.

— Сказала?

— Я не обязан перед тобой оправдываться.

— Я не прошу оправдываться.

— Тогда чего ты хочешь?

Он отвечает не сразу.

— Услышать, как ты хотя бы один раз скажешь правду.

Я смеюсь.

— Ты кто, мать Тереза?

— Нет.

— Прокурор?

— Нет.
— Господь Бог?
— Тоже нет.
— Тогда какое тебе дело?
Он смотрит на меня.
— Никакого.
Вот этот ответ мне не нравится.
— Тогда проваливай.
Я разворачиваюсь.
Он говорит мне в спину:
— Через три недели после суда Оливия умерла.
Останавливаюсь.
— Знаю.
— Знаешь.
— Это было во всех газетах.
— Передозировка.
— Да.
— В ванной матери.
Я резко поворачиваюсь.
— Зачем ты мне это рассказываешь?
— Проверяю.
— Что?
— Помнишь ли ты.
— Помню.
— Хорошо.
Он кивает.
Будто получил то, зачем пришёл.
И вот теперь мне становится по-настоящему не по себе.
Я достаю телефон.
— Уходи.
Он смотрит на телефон.
— Роберт.
— Что?
— Позвони полиции.
Я замираю.
— Что?
— Позвони.
Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга.
— Ты мне угрожаешь?
— Я предлагаю тебе позвонить в полицию.
— Зачем?
— Ты боишься.
Я усмехаюсь.
Слишком быстро.
— Тебя?
— Да.
— Много чести.
— Тогда убери телефон.
Я не убираю.

Он ждёт.
И это начинает бесить.
— Знаешь, что?
Делаю шаг к нему.
— Ты сейчас уходишь.
Никакой реакции.
— Слышал?
— Да.
— Тогда пошёл отсюда.
Он остаётся на месте.
Я толкаю его в грудь.
— Я сказал...
Он даже не отступает.
Вот тогда меня срывает.
Бью.
Кулак попадает в скулу.
Мужчина пошатывается.
Я замахиwaюсь снова.
И не успеваю.
Удар приходит сбоку.
В лицо.
Мир на секунду вспыхивает белым.
Я отступаю.
— Сука.
Во рту кровь.
Он уже выпрямился.
Стоит спокойно.
Будто ничего не произошло.
Я бросаюсь на него.
Мы оба врезаемся в стену.
Успеваю ударить его в бок.
Ещё раз.
Ногти впиваются в кожу на шее.
Он перехватывает мою руку.
Боль стреляет в запястье.
Я дёргаюсь.
Вырываю руку.
— Ты кусок дерьма!
Он тяжело дышит.
Но голос остаётся прежним.
— Возможно.
Я отступаю.
Телефон всё ещё в руке.
Набираю 911.
Он не мешает.
Цифры светятся на экране.
Большой палец замирает над кнопкой вызова.
— Позвони, — говорит он.
Я поднимаю глаза.

— Скажи им, кто на тебя напал.
Смотрю на человека, напротив.
Я знаю его.
Знаю имя.
Знаю, чем он занимается.
Знаю, что ему достаточно одного звонка, чтобы завтра моя фамилия снова оказалась на
первых полосах.
Газеты.
Оливия.
Суд.
Фотографии.
Её мать.
Я блокирую экран и убираю телефон в карман.
— Почему? — спрашивает он.
— Что?
— Почему не позвонил?
— Не льсти себе.
— Ты боишься не меня.
— Я вообще тебя не боюсь.
— Боишься, что всё начнётся снова.
Я молчу.
— Заткнись.
— Газеты.
— Заткнись.
— Оливия.
Я бью снова.
На этот раз он ждал.
Перехватывает руку.
Рывок.
Я оказываюсь лицом к стене.
Удар приходится под рёбра.
Воздух исчезает.
Ещё один.
Ноги подкашиваются.
Я падаю на колени.
Кровь капает с губы на асфальт.
Мужчина отпускает меня.
Я смотрю на него снизу-вверх.
И наконец понимаю.
Он пришёл не только поговорить.
— Подожди.
Он приближается.
Я отползаю к стене.
— Послушай.
Шаг.
Хромота.
Ещё шаг.
— Ты не хочешь этого делать.
Он останавливается.

— Почему?
— Потому что тебя найдут.
— Возможно.
— Я знаю тебя.
— Знаешь.
— Я назову твоё имя.
— Кому?
Открываю рот.
И понимаю.
Никому.
В переулке только мы.
Фонарь не работает.
Камера над служебным входом мертва уже три месяца.
До улицы меньше пятидесяти метров.
Сейчас это кажется очень далеко.
— Чего ты хочешь?
Он смотрит на меня.
— Я уже получил ответ.
— Какой?
— Ты помнишь её.
Не понимаю.
— Что?
— Оливия.
Он делает последний шаг.
— Ты всё помнишь.
Первый удар приходится в живот.
Я сгибаюсь.
Второй — в лицо.
Голова ударяется о кирпич.
Боль взрывается где-то за глазом.
Я пытаюсь закрыться.
Успеваю поймать его руку.
Бью куда попадаю.
Он вырывается.
Ещё удар.
Я падаю.
Телефон вылетает из кармана.
Ударяется об асфальт.
Экран загорается.
23:48.
Я пытаюсь подняться.
Не получается.
Мужчина стоит надо мной.
— Стой.
Он молчит.
— Я всё понял.
Нет ответа.
— Слышишь?
Он присаживается.

Я вижу его лицо.
Знакомое.
До абсурда знакомое.
— Я никому не скажу.
— Знаю.
— Клянусь.
— Не нужно.
— Тогда...
Дышать больно.
— Тогда зачем?
Он смотрит на меня.
— Оливия тоже обещала, что никому не скажет?
Я застываю.
— Нет, — говорю я.
Слишком поздно.
Мужчина поднимается.
Я пытаюсь схватить его за пальто.
Пальцы соскальзывают.
Последний удар я почти не чувствую.
Не знаю, сколько лежу.
Может, несколько секунд.
Может, минуту.
Открываю глаза.
Он уже у выхода из переуллка.
Идёт к улице.
Правая нога чуть запаздывает.
Шаг.
Правый — короче.
Следующий — обычный.
Я тянусь к телефону.
Экран ещё горит.
23:49.
Телефон всего в нескольких сантиметрах.
Пальцы скребут асфальт.
Нужно только дотянуться.
Вызвать полицию.
Назвать адрес.
Назвать имя.
Я знаю его имя.
Знаю.
Нужно только сказать.
Я тянусь.
Не достаю.
Мужчина почти дошёл до улицы.
Хочу выкрикнуть его имя.
Открываю рот.
Воздуха не хватает.
Экран телефона гаснет.

Глава 5. Детектив Джек Харрис

— Нет.

Кларк смотрит на меня поверх крыши машины.

— Что «нет»?

— Просто нет.

— Очень содержательно.

— Мы были здесь два дня назад.

— В этом переулке?

— В другом.

— Тогда технически ты здесь не был.

Я захлопываю дверь.

— Спасибо. Сразу легче.

На часах половина первого ночи.

Второй раз за неделю мне звонят в то время, когда приличные люди либо спят, либо принимают решения, о которых утром предпочитают не вспоминать.

Я не отношусь ни к тем, ни к другим.

Последние несколько часов провёл в участке над материалами Брукса.

Камеры ничего не дали.

Номер, на который он звонил в 03:12, оказался одноразовым.

Чужих отпечатков не нашли.

Под ногтями Брукса обнаружили частицы кожи и волокна ткани, но совпадений в базе пока нет.

Дело двигалось примерно никак.

А потом позвонил Кларк.

Мужчина.

Переулок.

Следы борьбы.

Убит.

Обычный Нью-Йорк.

Я подныриваю под ленту.

— Кто нашёл?

— Сотрудница бара. Вышла покурить.

— Видела кого-нибудь?

— Только тело.

— Камеры?

Кларк показывает на стену.

Я поднимаю голову.

— Не работает?

— Три месяца.

— Конечно.

— Ты уже спрашивал.

— Да.

Впереди работают криминалисты.

Мужчина лежит возле кирпичной стены.

Одна нога согнута.

Рука вытянута вдоль тела.

На лице кровь.

Я замедляю шаг.
Что-то цепляет.
Пока не понимаю что.
Присаживаюсь возле тела.
Доктор Лэнг даже не здоровается.
— Не говори.
— Что?
— Что я опять выгляжу лучше тебя.
— Я собирался спросить, почему ты до сих пор носишь этот галстук.
Он смотрит вниз.
— Жена подарила.
— Тогда вопросов нет.
Лэнг возвращается к телу.
— Роберт Тернер. Сорок один год. Документы при нём. Телефон нашли рядом.
Я всматриваюсь в лицо.
Знакомое.
Опять.
— Причина?
— Хочешь заключение сейчас или правильное утром?
— Сейчас.
— Тогда убийство.
Я поворачиваюсь к нему.
— Потрясающе.
— Обращайся.
Кларк усмехается за моей спиной.
Лэнг продолжает:
— Несколько ударов. Драка была короткой. Точнее скажу после вскрытия.
Я осматриваю руки Тернера.
— Защищался?
— Похоже.
— Следы под ногтями?
— Возьмём.
Телефон лежит в пакете неподалёку.
Кошелёк тоже.
Я уже знаю ответ, но всё равно спрашиваю:
— Деньги?
— На месте, — отвечает Кларк.
— Часы?
— На нём.
— Карты?
— Всё здесь.
Я выпрямляюсь.
Вот оно.
Не лицо.
Не поза.
Не кровь.
Вещи.
У Брукса тоже ничего не взяли.
Это ещё ничего не значит.

Два убийства без ограбления — ещё не серия.
Наверное.
— Джек?
Я смотрю на Кларка.
— Что?
— У тебя странное лицо.
— Оно у меня давно такое, дружище.
— Это я знаю. Что не так?
Снова смотрю на Тернера.
— Знаешь его?
Кларк присматривается.
— Нет.
— А мне кажется, я знаю.
— Его?
— Угу.
Он достаёт телефон.
— Сейчас проверим.
Я присаживаюсь ближе.
Роберт Тернер.
Имя тоже где-то было.
Газета?
Новости?
Суд?
Последняя мысль заставляет меня поднять голову.
— Кларк.
— Секунду.
Его палец скользит по экрану.
Потом останавливается.
Лицо меняется.
— Нашёл.
Он разворачивает телефон ко мне.
Старая статья.
Фотография.
Тернер выходит из здания суда.
Рядом адвокат.
Журналисты.
Я читаю заголовок.
ОБВИНЯЕМЫЙ ПО ДЕЛУ ОЛИВИИ МОРГАН ОПРАВДАН ПРИСЯЖНЫМИ
Смотрю на Кларка.
Он уже понял.
— Только не говори.
— Что?
— То, что сейчас собираешься.
— А что я собираюсь?
— Брукс.
Кларк убирает телефон.
— Я просто назвал фамилию.
— Именно.
За спиной щёлкает фотоаппарат криминалиста.

Я снова смотрю на тело.
Даниэль Брукс.
Обвинение в изнасиловании четырнадцатилетней девочки.
До суда дело не дошло.
Роберт Тернер.
Обвинение в изнасиловании Оливии Морган.
Оправдан.
— Нью-Йорк большой.
— Именно.
— Это сейчас должно меня успокоить?
— Нет. Меня беспокоит другое.
— Что?
Я смотрю на Тернера.
— В таком большом городе за два дня кто-то убил двух мужчин, обвинявшихся в изнасиловании и избежавших приговора.
— Ты сейчас связываешь дела?
— Пока нет.
— А что делаешь?
— Очень стараюсь этого не делать.
— Ты сам вчера сказал не влюбляться в версию раньше фактов.
— Поэтому пока это только совпадение.
— А думаешь?
Я не отвечаю.
Кларк тихо выдыхает.
— Вот и я.
Я снова присаживаюсь возле Тернера.
— Что было в деле?
— Сейчас.
Кларк листает статью.
— Девятнадцать лет. Обвинила его в изнасиловании. Были свидетели, переписка, экспертиза...
— И?
Он проводит пальцем по экрану.
— Часть доказательств признали недопустимыми. Нарушение процедуры изъятия. Потом один из свидетелей изменил показания.
— Тернер?
— Оправдан.
— Что с девушкой?
Кларк читает дальше.
Лицо становится жёстче.
— Что?
Он поднимает глаза.
— Через три недели после суда покончила с собой. Передозировка. В ванной матери.
Я смотрю на Тернера.
Вот теперь становится холоднее.
Не из-за погоды.
— Чёрт.
Кларк убирает телефон.
— У Брукса была несовершеннолетняя.

— Я помню.
— Здесь девятнадцатилетняя девушка.
— Помню.
— Оба остались на свободе.
— Один оправдан. До второго дело не дошло.
— Формально оба свободны.
Я поднимаюсь.
— Были.
Кларк смотрит на меня.
— Всё ещё совпадение?
— Пока да.
— Джек.
— Два трупа — это два трупа.
— А три?
Я смотрю на него.
— Не торопись искать третий.
— Очень постараюсь.
— Детектив?
Я оборачиваюсь.
Молодая патрульная стоит возле служебного входа.
— Девушка, которая нашла тело, кое-что вспомнила.
Кларк смотрит на меня.
— Пойдём.
Сотрудница бара сидит на ступеньке, завернувшись в куртку.
В пальцах — незажжённая сигарета.
— Вы нашли мистера Тернера?
Она кивает.
— Я вышла покурить. Он уже лежал там.
— Вы говорили, что больше никого не видели.
— Я не видела. То есть... не совсем.
— Расскажите.
Она смотрит в конец переуллка.
— Когда я открыла дверь, там кто-то был.
— Где?
— Уже у выхода.
Я достаю блокнот.
— Мужчина?
— Думаю, да.
— Лицо видели?
— Нет. Он стоял спиной.
— Одежда?
— Тёмная. Может, пальто. Или куртка. Половина Нью-Йорка в ноябре ходит в тёмном.
— Рост?
— Высокий.
— Что-нибудь ещё?
Она качает головой.
Потом замирает.
— Хотя...
— Что?

— Он не бежал.
Ручка останавливается над блокнотом.
— В каком смысле?
— В каком смысле?
— Он не торопился, — отвечает девушка. — Просто шёл.
— Вы уверены?
— Да. Это я запомнила. Если бы я увидела на земле человека, то побежала бы. А он даже не обернулся.
Я записываю её имя и номер.
— Вы всё сделали правильно. Если вспомните ещё что-нибудь — позвоните.
Она кивает.
Я закрываю блокнот.
Мы с Кларком отходим к ленте.
— Негусто, — говорит он.
— Высокий мужчина в тёмной одежде в ноябре. Осталось проверить половину города.
— Вторую половину я беру на себя.
— Харрис.
Один из криминалистов стоит у выхода из переулочка.
В руке фонарь.
Луч направлен на мокрый асфальт.
— Посмотри.
Я присаживаюсь.
В грязи сохранилась цепочка частичных отпечатков.
Не целиком.
Пятка.
Рифлёный край подошвы.
Носок.
Несколько следов ведут к улице.
Один шаг обычный.
Следующий — короче.
Потом снова обычный.
— Правая, — говорит криминалист. — Каждый второй шаг сбивается.
Кларк перестаёт улыбаться.
— Хромал?
— Или берёт ногу.
Чёрт.
У Брукса следы уходили с таким же неравномерным шагом.
Правая нога.
— Зафиксируйте всё, что осталось, — говорю я.
Криминалист кивает.
Кларк ждёт, пока мы отойдём.
— Ну?
— Что?
— Всё ещё совпадение?
Я смотрю на цепочку следов.
— Теперь оно мне нравится ещё меньше.
Через час мы сидим в машине.
Кофе давно остыл.
Кларк держит ноутбук на коленях.

На экране две фотографии.
Брукс.
Тернер.
Я смотрю то на одну, то на другую.
— Ищи всё.
— Уже.
— Адвокаты. Прокуроры. Судьи. Эксперты. Следователи. Все имена, которые встречаются в обоих делах.
— Думаешь, кто-то из системы?
— Я пока ничего не думаю.
Кларк хмыкает.
— Ты всегда так говоришь, когда уже много чего думаешь.
— Поэтому мы до сих пор напарники.
Он печатает.
— По Бруксу материалов много. Дело было громким.
— По Тернеру?
— Тоже.
Я смотрю в окно.
Переулок почти опустел.
Тело увезли.
Остались люди в перчатках, пакеты для улик и тёмное пятно на мокром асфальте.
— Знаешь, что мне не нравится? — спрашивает Кларк.
— Кроме меня?
— Эти двое.
— Очень наблюдательно.
— Если это сделал один человек, его интересуют не просто обвинения.
Я поворачиваюсь к нему.
Кларк смотрит на фотографии.
— Он выбирает тех, кого система уже отпустила.
Вот теперь я молчу.
Разница небольшая.
Но важная.
— Проверь судебные заседания, — говорю я.
— Уже сказал.
— Не только участников.
— А кого?
— Всех, кого сможешь найти. Посетителей. Прессу. Родственников. Сотрудников суда.
Любые повторяющиеся имена.
Кларк кивает.
— Хорошо.
Телефон вибрирует.
Достаю его.
Сообщение от Эммы.
Мама сказала, ты опять на работе.
Смотрю на время.
01:46.
Печатаю:
Почему ты не спишь?
Ответ приходит сразу.

Потому что мне двенадцать, а не пять.
Улыбаюсь.
В её мире это железный аргумент.
Следом приходит ещё одно сообщение:
Ты же не забудешь про субботу?
Улыбка исчезает.
Смотрю на Кларка.
Он всё ещё работает.
На экране перед ним две фотографии мёртвых мужчин.
Впереди несколько суток записей, допросов, отчётов и судебных архивов.
Снова смотрю на сообщение дочери.
Не забуду.
Три точки появляются почти сразу.
Обещаешь?
Пальцы висят над экраном.
На заднем сиденье лежит папка Брукса.
Рядом скоро появится папка Тернера.
Два дела.
Два мёртвых мужчины.
И человек, которого никто толком не видел.
Только силуэт.
И неровный шаг, оставшийся на мокром асфальте.
Этого пока мало.
Но достаточно, чтобы мне расхотелось списывать всё на случайность.
Я набираю:
Обещаю.
Отправляю.
Теперь остаётся выполнить.
Кларк захлопывает ноутбук.
— Поехали?
— Куда?
— Домой.
— В участок.
— Так и думал.
Я смотрю на него.
— Ты серьёзно?
— Нет. Хотел проверить, узнаешь ли ты это слово.
Он снова открывает ноутбук.
Я завожу двигатель.
Через сорок минут две фотографии висят на доске.
Даниэль Брукс.
Роберт Тернер.
Между ними пока ничего.
Ни ниток.
Ни стрелок.
Ни красивой схемы, которую так любят показывать в кино.
Только два мёртвых мужчины и слишком много совпадений, чтобы спокойно разойтись по домам.
Кларк ставит на стол два стакана кофе.

— Если выпью ещё один, у меня остановится сердце.
Я забираю ближайший.
— Тогда не пей.
Он смотрит на пустую руку.
Потом на меня.
— Это был мой.
— Теперь мой.
— Когда-нибудь я тебя застрелю.
— Главное, правильно оформи рапорт.
Кларк садится напротив доски.
— Ладно. Что у нас общего?
Я смотрю на фотографии.
— Мужчины.
— Сильно.
— За сорок.
— Уже лучше.
— Оба обвинялись в изнасиловании.
Кларк перестаёт улыбаться.
— И оба остались на свободе.
— По разным причинам.
— Но остались.
Я киваю.
— Деньги, телефоны и часы не взяли.
Кларк поднимает палец.
— Не ограбление.
— Оба незадолго до смерти были в барах.
— Оба убиты ночью.
— В переулках.
Он встаёт и подходит к доске.
Записывает:
МУЖЧИНЫ.
ЗА СОРОК.
ОБВИНЕНИЯ В ИЗНАСИЛОВАНИИ.
БЕЗ ОБВИНИТЕЛЬНОГО ПРИГОВОРА.
БАР. НОЧЬ. ПЕРЕУЛОК.
НЕ ОГРАБЛЕНИЕ.
Останавливается.
— И оба успели подраться с убийцей.
— Или с убийцами.
Кларк смотрит на меня через плечо.
— Ты правда ещё держишься за множественное число?
— Я держусь за факты.
— Следы обуви возле Брукса. Свидетель возле Тернера. У обоих неровный шаг.
— Свидетель не видел хромоты.
— Но мы видели следы.
— Возможно, правая нога.
Кларк дописывает:
ПРАВАЯ НОГА?
Вопросительный знак выводит особенно жирно.

— Теперь доволен? — спрашивает он.

— Нет.

— Было бы странно, если бы да.

Я ставлю кофе на стол.

— Запиши различия.

— Зачем портить красивую доску?

— Чтобы не влюбиться в собственную версию.

Кларк вздыхает и пишет с другой стороны:

БРУКС — НОЖ.

ТЕРНЕР — ИЗБИТ.

— Разный способ убийства, — говорит он.

— Разные места.

— Разное время.

— И между ними два дня.

Кларк смотрит на фотографии.

— Два дня — это не различие.

— Для человека, который спит по ночам, ещё какое.

Он добавляет:

ДВА ДНЯ.

Потом ниже:

ВОЗМОЖНО, ОДИН УБИЙЦА.

Я подхожу и зачёркиваю последнюю строчку.

— Эй.

— Не подгоняй факты под версию.

— Она не особенно красивая.

— Но тебе уже понравилась.

— Немного.

— Поэтому я её и зачеркнул.

Кларк забирает у меня маркер.

— Хорошо. Что проверяем?

Я начинаю считать по пальцам.

— Родственников потерпевших по обоим делам. Свидетелей. Полицейских. Прокуроров.

Экспертов.

— Адвокатов.

— Всех, кто имел доступ к материалам.

Кларк смотрит на доску.

— Журналистов?

— Тоже.

— Посетителей суда?

— Если достанем списки.

— Охрану.

— Сотрудников суда.

— Приставов.

— Всё, что пересекается.

Кларк проводит линию между фотографиями.

— А если ничего?

— Значит, ищем не там.

— Обожаю твою способность мотивировать.

— Поэтому тебе так повезло с напарником.

Он отходит от доски.
— Есть ещё одна вещь.
— Какая?
— Оба убийства выглядят личными.
Я смотрю на фотографии.
— Почему?
— Их можно было застрелить. Ударить сзади. Не дать увидеть нападавшего.
— В Нью-Йорке половину проблем можно решить пистолетом.
— Именно. Но кто-то подошёл достаточно близко, чтобы они успели драться.
Я снова смотрю на доску.
Брукс поцарапал убийцу.
Тернер тоже защищался.
Оба видели человека, который пришёл за ними.
— Значит, либо убийца их знал...
— Либо хотел, чтобы они перед смертью увидели его.
Кларк смотрит на меня.
Я — на него.
На доске ничего не меняется.
Две фотографии.
Два отдельных дела.
Но теперь я уже не могу смотреть на них по отдельности.
Это ещё не связь.
Только совпадение, которое стоит проверить.
Я беру со стола папку Брукса.
— Поднимай материалы обоих дел.
— Все?
— До последнего листа.
Кларк смотрит на часы.
— Джек.
— Что?
— Сейчас почти три.
— Умеешь определять время. Запишем в сильные стороны.
— А ещё умею считать. Через шесть часов будет девять.
— В девять поговорим с женой Тернера.
Кларк опускает взгляд к ноутбуку.
— С Сарой?
— Она звонила ему четыре раза. Последней получила от него сообщение.
— «Еду».
— И не дождалась.
Он снова смотрит на часы.
Потом на доску.
— Значит, сон отменяется.
— Не отменяется. Переносится на неопределённый срок.
— Сразу видно опытного руководителя.
Кларк открывает ноутбук.
Я снимаю со спинки стула куртку и снова сажусь.
В девять — поговорить с вдовой Тернера.
— Я вообще-то собирался сказать, что нам обоим неплохо бы поспать.
— Это уже слабая сторона.

— В девять нам к Саре Тернер.
— Значит, почти шесть часов.
— На дорогу, душ и попытку вспомнить, как выглядят нормальные люди.
— Сон явно лишний.
Кларк смотрит на меня.
— Иногда я тебя ненавижу.
— Иногда?
— Иди домой, Харрис.
На этот раз я не спорю.
В коридорах почти пусто.
Ночной дежурный поднимает голову, когда я прохожу мимо.
— Доброй ночи, детектив.
Я смотрю на часы.
— Уже почти доброе утро.
На улице холоднее, чем пару часов назад.
Застёгиваю куртку и спускаюсь по ступеням.
До машины метров тридцать.
На полпути останавливаюсь.
Рука сама лезет в карман.
Пачка на месте.
Три месяца не курю.
И три месяца ношу её с собой, каждый день обещая, что завтра выброшу.
Очень эффективная система.
Достаю сигарету.
Кручу между пальцами.
После Брукса хотелось закурить.
После Тернера хочется сильнее.
Подношу сигарету к губам.
Стою так несколько секунд.
Потом убираю обратно.
— Молодец, Харрис.
Никто не отвечает.
И правильно.
Дохожу до машины.
Сажусь за руль, но двигатель не завожу.
Перед глазами всё ещё доска.
Даниэль Брукс.
Роберт Тернер.
Двое мужчин, которых обвиняли и не осудили.
И кто-то, кто, возможно, решил вынести собственный приговор.
Пока этого мало.
Слишком мало, чтобы назвать серией.
Слишком много, чтобы спокойно поехать домой.
Я завожу двигатель.
Телефон на пассажирском сиденье загорается от уведомления.
На секунду думаю, что это Эмма.
Нет.
Рабочая почта.
Переворачиваю телефон экраном вниз.

Сегодня хватит.
Выезжаю с парковки.
Город почти пуст.
На перекрёстке мигает жёлтый.
Где-то открывается первая кофейня.
Нью-Йорк начинает новый день, будто за последние несколько часов ничего не произошло.
А в участке за моей спиной остаётся доска.
Две фотографии.
Между ними — пустое место.
Пока это только совпадение.
Я беру маркер.
Несколько секунд кручу его в пальцах.
Потом кладу обратно, даже не сняв колпачок.
Если на доске появится третья фотография, объяснить всё совпадением уже не получится.

Глава 6. Детектив Джек Харрис

К девяти утра кофе перестаёт помогать.

Я всё ещё держу глаза открытыми, но это скорее вопрос дисциплины, чем физиологии.

Кларк листает записи на пассажирском сиденье.

— Ты с утра успел съездить к Бруксу?

— Успел.

— И?

— Если коротко — зря потратил бензин.

Я бросаю на него взгляд.

— А если длинно?

— Сначала заехал к нему домой. Управляющий знал, что Брукс вовремя платил за квартиру. Соседка — что он заказывал еду и редко выходил. Потом позвонил бармену и тем, с кем Брукс общался раньше.

— Бармен хотя бы оказался полезен?

— Знал его обычный заказ.

— Виски.

— Двойной. Безо льда.

— Близкие?

Кларк закрывает блокнот.

— После того дела Брукс жил один. Постоянных гостей не было. Соседи почти не видели, чтобы к нему кто-то приходил. Прежние знакомые разговаривать не захотели.

— С нами?

— О нём.

Я перестраиваюсь в соседний ряд.

— Угрозы?

— Судя по старым обращениям, первые месяцы их было много. Потом почти прекратились. Ничего свежего.

— Женщины?

— Ни одной постоянной. По крайней мере, такой, которая согласилась бы признаться.

— Работа?

— Из дома. Общение по почте и телефону. Всё максимально безлично.

— То есть поговорить не с кем.

— Кроме мёртвого.

Некоторое время мы едем молча.

После громкого дела Брукс остался на свободе.

Но прежняя жизнь закончилась всё равно.

Не тюрьма.

Просто квартира, доставки и бармен, который помнит твой заказ лучше, чем кто-либо помнит тебя.

— У Тернера хотя бы есть жена, — говорит Кларк.

— Посмотрим, насколько это нам поможет.

Через десять минут мы сворачиваем на нужную улицу.

Дом Тернеров не просто говорит о деньгах.

Он сообщает о них ещё с другого конца квартала.

Четыре этажа светлого камня.

Высокие окна.

Чёрная дверь с латунной ручкой.

Две камеры над входом и ещё одна над воротами, за которыми виден внутренний двор. Верхний Ист-Сайд умеет выставлять богатство так, чтобы оно выглядело хорошим вкусом.

Этот дом даже не пытается.

Кларк смотрит на фасад.

— Скромно.

— Возможно, остальные этажи достраивали после того, как у архитектора закончилась совесть.

— Ты спал?

— Конечно.

— Сколько?

— Не порть мне настроение.

Он смотрит на меня внимательнее.

— Два часа?

Я поднимаюсь по ступеням.

— Два с половиной.

— Тогда прошу прощения.

Дверь открывает женщина в сером платье.

Не Сара.

Домработница.

Она уже знает, кто мы.

Проводит нас через холл, в котором легко поместилась бы моя квартира, и оставляет в гостиной.

Белые диваны.

Светлый ковёр.

Стеклянный стол.

Картины, рядом с которыми нет подписей.

В таких домах стоимость вещей не называют вслух.

Либо ты понимаешь сам, либо тебе здесь нечего делать.

На каминной полке стоит фотография.

Роберт Тернер в смокинге.

Рядом Сара.

Оба смотрят в камеру.

Оба улыбаются.

Между ними ровно столько пространства, чтобы фотография всё ещё считалась семейной.

— Детективы.

Я оборачиваюсь.

Сара Тернер входит в комнату.

На ней чёрный кашемировый костюм.

Светлые волосы собраны в низкий узел.

Кожа безупречная.

Макияж тоже.

Только под глазами проступает едва заметная серость, которую не смог скрыть консилер.

Серьги с бриллиантами.

Тонкая цепочка на шее.

Три кольца на правой руке.

Четыре браслета на левой.

Слишком много украшений для девяти утра.

Или как раз достаточно, чтобы не чувствовать себя голой перед двумя незнакомыми мужчинами, пришедшими говорить о смерти мужа.

— Миссис Тернер, — говорю я. — Детектив Харрис. Это детектив Кларк.

Она протягивает руку.

Сначала мне.

Потом Кларку.

Ладонь холодная.

Рукопожатие уверенное.

— Полиция уже была здесь ночью.

— Патрульные сообщили вам о смерти мужа. Мы ведём расследование.

— Я понимаю.

Она садится на диван.

Мы устраиваемся напротив.

Сара кладёт ладони на колени.

Браслеты тихо сталкиваются друг с другом.

— Я хочу ещё раз выразить соболезнования, — говорит Кларк.

— Спасибо.

Ответ звучит автоматически.

Возможно, за последние несколько часов она произнесла его уже десятки раз.

Домработница приносит кофе.

Сара не спрашивает, будем ли мы.

Просто кивает на поднос.

Я беру чашку.

Кларк смотрит на меня.

— Что?

— Ничего.

Он тоже берёт кофе.

— Когда вы в последний раз видели мужа? — спрашиваю я.

Сара задумывается.

Не потому, что не помнит.

Считает.

— Вчера утром.

— Во сколько?

— Около восьми.

— Вы завтракали вместе?

— Мы встретились на лестнице.

Кларк открывает блокнот.

— И это был ваш последний разговор?

— Он сказал, что вернётся поздно.

— Куда он собирался?

— Не уточнил.

— Вы не спросили?

Сара смотрит на меня.

— Нет.

— Почему?

— Потому что мы не отчитывались друг перед другом.

— Но вы позвонили ему четыре раза.

Впервые её лицо меняется.

Совсем немного.

Пальцы сжимаются на колене.

Браслеты перестают звенеть.

— Он не отвечал.

— Это было необычно?

— Роберт мог не прийти домой. Но он всегда отвечал на телефон.

— Вам?

— Телефону.

Я жду продолжения.

Его нет.

— В двадцать три тридцать семь он написал, что едет, — говорю я.

— Да.

— Вы ждали его?

Сара переводит взгляд на фотографию над камином.

— Мы должны были появиться вместе на завтраке попечительского совета.

— Сегодня?

— Через час.

Вот зачем она оделась.

Не ради нас.

По привычке.

Или потому, что ещё ночью собиралась идти туда одна.

— Вы собирались присутствовать после того, как узнали о смерти мужа? — спрашивает

Кларк.

Она смотрит на него.

— Нет.

Ответ ровный.

Слишком быстрый.

Кларк кивает и больше ничего не говорит.

— Какими были ваши отношения с мужем? — спрашиваю я.

— Это имеет отношение к его смерти?

— Пока мы не знаем, что имеет.

Сара проводит пальцем по одному из колец.

Большой бриллиант на безымянном.

Обручальное.

Остальные дороже.

— Мы прожили вместе пятнадцать лет.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет.

— Вы спали в разных комнатах?

Кларк бросает на меня короткий взгляд.

Сара даже не морщится.

— Последние шесть лет.

— Почему?

— Потому что дом достаточно большой.

— Я спрашивал не об этом.

— Но это самый честный ответ, который я могу вам дать.

Я ставлю чашку на стол.

— У вашего мужа были другие женщины?

Браслеты снова тихо сталкиваются.

— Да.

Кларк поднимает глаза от блокнота.

— Вы знали?

— Разумеется.

— И давно?

— Достаточно давно, чтобы перестать интересоваться подробностями.

— Нам придётся ими заинтересоваться, — говорю я. — Имена. Телефоны. Места встреч.

— Я не знаю.

— Ни одного имени?

— Ни одного.

— Он хорошо скрывал?

На губах Сары появляется почти улыбка.

— Роберт ничего не скрывал. Он просто был достаточно предусмотрителен, чтобы не ставить меня в неловкое положение.

— То есть вы договорились не вмешиваться в жизнь друг друга?

— Мы ни о чём не договаривались.

— Просто жили отдельно.

— В одном доме.

— Это не одно и то же.

— Для нас было одним.

Я смотрю на фотографию на камине.

Два человека.

Одна рамка.

Разные жизни.

— Где он обычно встречался с женщинами?

— В гостиницах. Клубах. Иногда снимал квартиры.

— Какие гостиницы?

— Не знаю.

— Клубы?

— Роберт состоял примерно в половине закрытых клубов Манхэттена.

— Квартиры оформлялись на него?

— Сомневаюсь.

— На компании?

— Возможно.

— На какие?

Сара смотрит на меня.

— Детектив, если вы рассчитывали, что я веду учёт любовниц мужа и недвижимости, в которой он с ними встречался, боюсь, я вас разочарую.

— Уже.

Кларк кашляет в кулак.

Я не смотрю на него.

— У мистера Тернера были деловые партнёры? — продолжает он. — Люди, с которыми он конфликтовал в последнее время?

— У Роберта всегда были конфликты.

— Имена?

— Спросите его адвокатов.

— Мы спросим. Но сейчас разговариваем с вами.

Сара поправляет браслет.

— Он редко говорил со мной о работе.

— О чём вы вообще говорили?

Вопрос вырывается жёстче, чем я собирался.

Кларк поворачивает голову.

Сара выдерживает мой взгляд.

— О том, во сколько нужно приехать. Какое мероприятие посетить. С кем сфотографироваться. Кого пригласить на ужин. Как улыбаться, когда журналисты снова зададут вопрос об Оливии Морган.

Имя остаётся между нами.

Вот оно.

Не боль.

Не злость.

Но что-то близкое к усталости.

— Вы знали Оливию? — спрашиваю я.

— Нет.

— Никогда с ней не встречались?

— Никогда.

— Присутствовали на суде?

— Каждый день.

— Почему?

— Так посоветовали адвокаты.

— А не потому, что хотели поддержать мужа?

Сара смотрит на кольцо.

— Одно другому не мешает.

— Вы верили Роберту?

Она поднимает глаза.

— Вы спрашиваете, верила ли я, что он не изнасиловал Оливию?

— Я спрашиваю, чему верили вы.

На этот раз она думает дольше.

— Я верила, что Роберт был способен убедить себя, будто любая женщина хочет того же, чего хочет он.

Кларк перестаёт писать.

— Это не ответ, — говорю я.

— Другого у меня нет.

Та же фраза.

Теперь звучит иначе.

— После суда ему угрожали?

— Да.

— Кто?

— Не знаю.

— Что именно писали?

— Что убьют. Покалечат. Сделают с ним то же, что он якобы сделал с ней.

— Письма сохранились?

— Первые несколько месяцев полиция забирала всё. Потом Роберт перестал обращаться.

— Почему?

— Угрозы не нравились ему меньше. Внимание полиции — больше.

— В последнее время что-нибудь приходило?

— Не видела.

— Он говорил, что за ним следят?

— Нет.

— Что кто-то его ищет?

— Нет.
— Что встречался с родственниками Оливии?
— Нет.
Слишком много «нет».
И ни одно не помогает.
Я достаю телефон.
Открываю фотографию Брукса и поворачиваю экран к ней.
— Вы знаете этого человека?
Сара смотрит несколько секунд.
— Нет.
— Даниэль Брукс.
Никакой реакции.
— Имя вам знакомо?
— Нет.
— Ваш муж мог его знать?
— Я не знаю.
— Они могли встречаться в клубах? На мероприятиях? Через общих знакомых?
— Могли.
— Это предположение?
— Всё, что касается личной жизни Роберта, теперь предположение.
Я убираю телефон.
— По четвергам он часто бывал в том баре?
— Возможно.
— Вы не знаете?
— По четвергам он обычно не ужинал дома.
— Где он был?
— Я не спрашивала.
— С кем?
— Не спрашивала.
— Когда возвращался?
— Иногда ночью. Иногда утром. Иногда через несколько дней.
Кларк закрывает блокнот.
— Миссис Тернер, у вашего мужа был второй телефон?
— Возможно.
— Вы его видели?
— Нет.
— Знали номер?
— Нет.
— У него был личный водитель?
— Иногда.
— Вчера?
— Не знаю.
— Охрана?
— После суда. Потом он от неё отказался.
— Когда?
— Больше года назад.
Я смотрю на Сару.
Она отвечает на каждый вопрос.
Спокойно.

Не путается.
Не уходит от разговора.
И при этом не говорит почти ничего.
Пятнадцать лет брака.
Четыре этажа.
Две отдельные спальни.
И ни одного имени, которое можно записать на доске.
— Последний вопрос, — говорю я. — Кто мог хотеть смерти вашего мужа?
Сара медленно проводит пальцем по обручальному кольцу.
— Многие.
— Нам нужны конкретные люди.
— А у меня их нет.
— Совсем?
Она смотрит на фотографию над камином.
— Я слишком долго старалась ничего не знать о жизни Роберта.
Переводит взгляд на меня.
— Теперь, боюсь, это стало вашей проблемой.
Мы оставляем визитки на стеклянном столе.
Сара не провожает нас до двери.
Домработница снова появляется в холле и выпускает на улицу.
Дверь закрывается за спиной.
Кларк спускается по ступеням.
— Полезно поговорили.
— Узнали, что Тернер изменял жене.
— Поразительное открытие. Богатый мужчина с любовницами. Газеты будут потрясены.
— Узнали, что по четвергам он не ночевал дома.
— И что его жена понятия не имеет, где он бывал.
Мы доходим до машины.
Я смотрю на верхние окна.
За одним из них слегка двигается штора.
Не вижу, кто стоит за ней.
— Пятнадцать лет вместе, — говорит Кларк. — И она почти ничего о нём не знает.
— Возможно, знает больше, чем говорит.
— Думаешь, врёт?
— Нет.
— Тогда что?
Я открываю машину.
— Думаю, она очень давно научилась не задавать вопросов, ответы на которые могли испортить ей жизнь.
Кларк оглядывается на дом.
— И что теперь?
— Проверяем расходы Тернера. Карты. Отели. Клубы. Недвижимость, оформленную на компании. Ищем женщин.
— Всех?
— Начнём с тех, кого он видел по четвергам.
— Если они были.
— Они были.
— Откуда такая уверенность?
Я сажусь за руль.

— Потому что жена не видела его по четвергам, а кто-то другой точно видел.
Кларк устраивается рядом.

Смотрит на дом через лобовое стекло.

— Как можно пятнадцать лет жить с человеком и ничего о нём не знать?

Я завожу двигатель.

— В таком доме — очень легко.

Телефон звонит раньше, чем я успеваю выехать.

На экране:

МАКС РИВЗ.

Я включаю громкую связь.

— Харрис.

— Ты всегда отвечаешь так, будто звонящий уже испортил тебе день?

Женский голос звучит бодро.

Подозрительно бодро для человека, который работает с нами.

— Обычно так и есть.

— Тогда могу перезвонить вечером и испортить его ещё раз.

— Что нашла?

Кларк пристёгивается.

— Доброе утро, Макс.

— Доброе утро, Кларк. Приятно знать, что хотя бы один из вас воспитывался людьми.

— Я всегда говорил, что ты умеешь разбираться в мужчинах.

— Поэтому до сих пор не дала тебе свой номер.

— Ты сейчас звонишь на мой телефон, — напоминаю я.

— Технические детали.

Макс Ривз работает в отделе цифровой криминалистики.

Сколько ей лет, я не знаю.

Как она выглядит до первой чашки кофе — тоже.

За последние три года мы встречались лично раз десять, и каждый раз она была в одной и той же толстовке, с волосами, собранными карандашом.

Макс умеет находить людей по фотографии кофейной чашки, восстанавливать удалённые сообщения и объяснять прокурорам, почему «облако» — не то, что висит в небе.

— Я сняла первичный образ с телефона Тернера, — говорит она. — Полный отчёт будет позже, но кое-что уже есть.

— Слушаем.

— Во-первых, ваша вдова была настойчива. Четыре звонка и сообщение.

— Это мы видели.

— Тогда зачем отвлекаете занятую женщину?

— Макс.

— Хорошо. Последнее действие Тернера — ответ жене в двадцать три тридцать семь.

После этого телефон не использовали.

— Геолокация?

— Отключена.

— Совсем?

— Последние восемь месяцев.

Я смотрю на Кларка.

Он достаёт блокнот.

— До этого была включена? — спрашивает он.

— Да. Потом кто-то решил, что приложениям необязательно знать, где он проводит вечера.

- Предусмотрительный.
- Женатый, — поправляет Макс. — Это часто одно и то же.
- Сообщения женщинам есть?
- Нет.
- Удалённые?
- Пока ничего. Ни переписки, ни фотографий, ни приложений для знакомств. Даже история браузера выглядит так, будто телефоном пользовался священник.
- Сара сказала, у него постоянно были любовницы.
- Тогда перед нами самый верный изменник в Нью-Йорке.
- Второй телефон, — говорит Кларк.
- Скорее всего. Или он общался через устройство, которое не носил домой.
- Нашли что-нибудь, что указывает на него?
- Пока нет. Запросила детализацию у оператора. Посмотрим, какие номера регулярно находились рядом с его основным телефоном.
- Сколько времени?
- Столько, сколько понадобится оператору, чтобы вспомнить, что ордер подписан судьёй, а не написан мной на салфетке.
- Я завожу двигатель.
- Что ещё?
- В телефоне сохранились беспроводные сети.
- И?
- И мистер Тернер был человеком привычки. Последние семь месяцев каждый четверг его телефон подключался к сети бара, возле которого вы нашли тело.
- Кларк перестаёт писать.
- Каждый четверг?
- Почти. Двадцать шесть подключений за тридцать недель.
- Я смотрю на дом Тернеров.
- В какое время?
- Обычно между десятью и половиной одиннадцатого вечера. Отключался после полуночи.
- Вчера?
- В двадцать два ноль восемь подключился. В двадцать три тридцать девять потерял сеть.
- Через две минуты после сообщения Саре.
- Значит, он не собирался домой, — говорит Кларк.
- Или собирался, но не успел выйти из переулка, — отвечаю я.
- Есть другие повторяющиеся места? — спрашивает он.
- Отели. Несколько клубов. Один дом в Челси появляется чаще остальных.
- Адрес.
- Макс называет.
- Кларк записывает.
- Кому принадлежит?
- Квартину арендует компания «РТХ Консалтинг».
- Тернер?
- Учредитель скрытан за двумя другими компаниями. Дайте мне пару часов.
- У нас нет пары часов.
- Тогда придумайте машину времени. Я давно прошу включить её в бюджет отдела.
- Что-нибудь ещё?
- На другом конце слышится стук клавиш.

— Его календарь почти пуст. Встречи по работе. Благотворительные мероприятия. Ужины, где богатые люди рассказывают друг другу, какие они хорошие.

— По четвергам?

— Ничего.

— Кто-то чистил телефон?

— Возможно. Но если да, то делал это регулярно и аккуратно. Не после убийства.

— Сам Тернер?

— Или тот, кто за это отвечал.

— Проверь помощников.

— Уже.

— Водителя.

— Уже.

— Домашние компьютеры.

— Нужен доступ.

— Получишь.

Макс тяжело вздыхает.

— Знаешь, Харрис, иногда мне кажется, что ты считаешь меня волшебницей.

— Волшебницы работают быстрее.

— Волшебницы могут превратить тебя в крысу.

— Значит, им даже работать не придётся, — вставляет Кларк.

Макс смеётся.

— Вот поэтому он мне нравится больше.

— В очередь, — говорю я.

— Пришлю предварительный отчёт через час. И, Харрис?

— Что?

— Тернер в цифровом мире выглядит слишком чисто для мужчины, который шесть лет изменял жене.

— Насколько чисто?

— Неестественно.

Звонок обрывается.

Кларк смотрит на телефон.

— Она всегда так заканчивает разговор?

— Обычно раньше.

Он листает записи.

— Каждый четверг один и тот же бар.

— Сара этого не знала.

— Зато убийца мог знать.

— Если следил.

— Или встречался с ним там раньше.

Я включаю поворотник.

— Куда едем?

— В участок?

— В бар.

— Мы только что оттуда.

— Ночью мы спрашивали о смерти Тернера. Теперь спросим о его четвергах.

Кларк убирает блокнот.

— А потом в Челси?

— Если Макс подтвердит связь квартиры с Тернером.

— Думаешь, там жила любовница?

Я смотрю в зеркало на удаляющийся дом.

— Надеюсь.

— Почему?

— Потому что жена Тернера ничего о нём не знала.

Я выезжаю на дорогу.

— Кто-то должен был знать.

Глава 7. Теодор Картер

Я просыпаюсь от прикосновения к щеке.

— Ти.

Не открываю глаз.

— Если дом горит, звони пожарным.

— Не горит.

— Тогда дай мне умереть спокойно.

Лили хихикает.

Матрас прогибается рядом.

— Ты не умер.

— Ещё слишком рано делать выводы.

— Уже десять.

Я открываю один глаз.

Она сидит рядом, поджав под себя ноги. Волосы собраны кое-как, на щеке тонкая полоска синей краски.

— Почему ты синяя?

Лили трогает лицо.

Смотрит на пальцы.

— Я рисовала.

— Лицом?

— Кисточкой.

— Успокоила.

Она улыбается.

Я снова закрываю глаза.

Голова тяжёлая.

Во рту сухо.

Тело болит так, словно вчера я решил вспомнить молодость и проиграл.

Причём кому-то значительно крупнее себя.

— Тебе плохо?

— Нет.

— Врёшь.

— Клевета.

Маленькая ладонь ложится мне на лоб.

Я перехватываю её за запястье.

— Что ты делаешь?

— Проверяю температуру.

— И?

Лили хмурится с таким серьёзным видом, будто только что закончила медицинский университет.

— Нормальная.

— Спасибо, доктор Лили Картер.

Она не убирает руку.

Проводит пальцами по моим волосам.

Медленно.

Осторожно.

Я позволяю.

Всего минуту.

Наверное, младшим детям поэтому прощают больше.
Леона я бы уже выставил из комнаты.
— Ты поздно пришёл.
Я открываю глаза.
— Вчера?
Она кивает.
Смотрю на часы.
10:07.
Пятница.
Последнее, что помню о вчерашнем вечере, — кабинет.
Эвелин ушла около восьми.
Я закончил с документами Кейна ближе к десяти.
Потом спустился к лифтам.
И встретил Стейси.
Или Мейси.
Я хмурюсь.
Чёрт.
Кажется, всё-таки Стейси.
Блондинка.
Красное пальто.
Она вошла в лифт этажом ниже и спросила, всегда ли я выгляжу так, будто собираюсь кого-нибудь уволить.
Я ответил, что только по четвергам.
Дальше события развивались предсказуемо.
Бар через квартал.
Два виски.
Её квартира.
Или отель?
Нет.
Квартира.
Кажется.
Я провожу ладонью по лицу.
Теперь понятно, почему голова весит примерно столько же, сколько моя машина.
— Во сколько я пришёл?
Лили пожимает плечами.
— Поздно.
— Очень информативно.
— Я спала.
— Тогда откуда знаешь?
Она смотрит на меня так, будто вопрос глупый.
— Утром увидела.
Логично.
Я сажусь.
Мир неприятно качается.
Не сильно.
Но достаточно, чтобы я замер.
Лили сразу замечает.
— Ти?
— Всё хорошо.

— Точно?
— Абсолютно.
Она не выглядит убеждённой.
— Принеси воды.
Лили мгновенно спрыгивает с кровати.
— И кофе.
Она останавливается в дверях.
— Воду.
— И кофе.
— Сначала воду.
— Почему в этом доме меня никто не слушается?
— Потому что ты вредный.
Дверь закрывается.
Я остаюсь один.
Сбрасываю одеяло.
И только тогда замечаю костяшки правой руки.
Кожа содрана.
Свежая.
Я рассматриваю её несколько секунд.
Потом усмехаюсь.
У Стейси была кровать с металлическим изголовьем.
Наверное, задел.
Хотя не помню.
Впрочем, вчера ночью я вообще мало внимания уделял мебели.
Встаю.
Голова тут же напоминает о двух виски.
Или трёх.
Правую ногу простреливает болью.
Я опускаю взгляд.
На голени темнеет широкий синяк.
Прекрасно.
Металлическим изголовьем дело не ограничилось.
Тридцать семь лет.
А утро после случайного знакомства всё ещё начинается с попытки восстановить события предыдущей ночи.
Я иду в ванную.
В зеркале — человек, которому вчерашний вечер явно не пошёл на пользу.
Помятая футболка.
Красные глаза.
Щетина.
Волосы в беспорядке.
Левая скула слегка припухла.
Если меня сейчас увидит хотя бы один журналист, моя репутация закончится быстрее, чем карьера прокурора Уолша.
Открываю воду.
Наклоняюсь над раковиной и плескаю в лицо.
Кожу на шее обжигает.
Выпрямляюсь.
Под ухом начинаются три тонкие царапины. Одна тянется почти до ключицы.

Провожу по ним пальцами.
Красный маникюр.
Кажется, у Стейси был красный маникюр.
Или у Мейси.
Я смотрю на своё отражение.
— Насыщенный вечер.
Человек в зеркале выглядит не настолько довольным, насколько должен.
Умываюсь.
Становится легче.
Царапины на шее всё ещё щиплет.
Костяшки.
Голень.
Скула.
Вечер распадается на отдельные кадры: блондинка, красное пальто и два виски.
— Нет.
Говорю это отражению.
Вчера я устал.
Последние недели сплю по четыре-пять часов, работаю по двенадцать. Человеческий мозг не обязан хранить подробный протокол каждого вечера.
Особенно после алкоголя.
Открываю шкафчик и достаю обезболивающее.
Принимаю обезболивающее, чищу зубы и ещё раз смотрю на себя в зеркало.
Выгляжу паршиво.
Переживу.
Из гостиной доносится телевизор.
Потом голос Лили:
— Леон, отдай!
— Я ничего не брал.
— Брал!
— Докажи.
Я закрываю шкафчик.
Вот и вся моя утренняя терапия.
Выхожу из ванной, натягиваю первую попавшуюся футболку и спускаюсь вниз.
Чем ближе к гостиной, тем громче работает телевизор.
Разумеется.
Леон занимает половину дивана.
Ноги лежат на журнальном столике.
— Убери ноги.
Он даже не поворачивается.
— Доброе утро.
— Ноги.
— Ты только проснулся и уже командуешь.
— Именно поэтому я многого добился.
Забираю пульт и делаю тише.
Леон наконец смотрит на меня.
— Вид у тебя паршивый.
— Спасибо.
— Пил?
— Да.

— Вот она, взрослая жизнь.
— Заткнись.
Я опускаюсь в кресло.
Лили появляется из кухни со стаканом воды.
Держит двумя руками.
— Вот.
— Спасибо.
Она отдаёт стакан и садится прямо на подлокотник.
Слишком близко.
Обычно я попросил бы её пересесть.
Сегодня не хочется.
Делаю несколько глотков.
— Кофе?
— После воды.
— Воду я выпил.
— Всю.
Я смотрю на стакан.
Половина.
Потом на неё.
— Ты становишься опасной занудой.
— Пей.
Леон смеётся.
— Она единственный человек в мире, который умеет тобой командовать.
— Не единственный.
— Кто ещё?
Я допиваю воду.
— Судья.
— Ты и судьями командуешь.
— Справедливо.
Лили забирает пустой стакан.
— Теперь кофе.
— Наконец-то.
Она уходит на кухню.
Я смотрю на Леона.
— Я вчера сильно шумел?
Его взгляд на мгновение задерживается на моём лице.
— Ты?
— Когда вернулся.
— Я спал.
— Полезная информация.
— Рад помочь.
— Значит, блондинку тоже не видел?
Леон отрывается от телевизора.
— Какую ещё блондинку?
— Неважно.
— Нет уж. Теперь важно.
— Забудь.
Он расплывается в улыбке.
— Как её зовут?

— Стейси.
— Уверен?
Я смотрю на него.
— Почти.
— Великолепно.
— Заткнись.
— Великий Теодор Картер не помнит имени женщины, с которой провёл ночь.
— Я помню имя.
— Ты только что сказал «почти».
— Я устал.
— Конечно.

Лили возвращается с кофе.

— Кто такая Стейси?

Я закрываю глаза.

Леон начинает смеяться.

— Человек, — говорю я.

— Какая?

— Никакая.

— Тогда почему вы про неё говорите?

— Твой брат не умеет вовремя закрывать рот.

Она ставит чашку передо мной.

Потом внимательно смотрит на царапины над воротом футболки.

— Это она тебя поцарапала?

Леон смеётся ещё громче.

— Лили.

— Что?

— Иди рисуй.

— Я просто спросила.

— Наверное, она.

Ответ выходит резче, чем нужно.

Лили пожимает плечами и уходит.

Телефон вибрирует на столе.

ЭВЕЛИН

Ты сегодня появишься?

Смотрю на время.

10:24.

В обычную пятницу к этому часу я успеваю провести два совещания, испортить настроение трём юристам и найти ошибку хотя бы в одном документе.

Сегодня с трудом держу чашку.

Пишу:

Работаю из дома.

Три точки появляются почти сразу.

Насколько всё плохо?

Я просто решил провести спокойное утро.

Ответ приходит через несколько секунд.

То есть очень плохо.

Я усмехаюсь.

Десять лет.

Эвелин научилась переводить мои сообщения на человеческий язык.

Перенеси встречи. Документы Кейна пришли мне.
Уже.
Разумеется.
Убираю телефон.
Леон наблюдает за мной с дивана.
— Тебя даже на работе воспитывают.
Я делаю глоток кофе.
— Зато тебя нигде.
— А она красивая?
Я смотрю на Леона.
Он уже откровенно наслаждается происходящим.
— Очень, — отвечает за меня.
Лили переводит взгляд на него.
— Ты её видел?
— Нет.
— Тогда откуда знаешь?
Леон показывает на меня.
— У него ужасный характер. Должно же быть хоть какое-то преимущество.
— Я могу тебя выселить.
— Но не выселишь.
— Не проверяй.
Лили устраивается на ковре рядом с рисунками.
— Меня тоже нельзя выселить.
— Почему?
Она пожимает плечами.
— Я маленькая.
Железный аргумент.
Делаю глоток.
Кофе возвращает миру часть смысла.
Телевизор бубнит на фоне.
Я почти не слушаю.
Думаю о завтраке, документах Кейна и о том, что неплохо бы всё-таки вспомнить фамилию Стейси.
Или Мейси.
Чёрт.
— ...тело сорокаоднолетнего Роберта Тернера было обнаружено минувшей ночью возле одного из заведений в Нижнем Манхэттене...
Кружка останавливается у губ.
Я смотрю на экран.
Фотография мужчины.
Что-то цепляет.
Не лицо.
Имя.
Роберт Тернер.
Где я его видел?
На экране появляется архивная запись.
Здание суда.
Ступени.
Журналисты.

Тернер выходит наружу и улыбается в камеры.
Память наконец подбрасывает ответ.
Оливия Морган.
Девятнадцать лет.
Обвинение в изнасиловании.
Присяжные.
Оправдательный вердикт.
Через три недели Оливия умерла от передозировки в ванной матери.
Я ставлю кружку на стол.
— Чёрт.
Леон переводит взгляд с телевизора на меня.
— Знакомый?
— В некотором роде.
— Клиент?
— Нет.
На экране показывают место убийства.
Полицейская лента.
Переулок.
Машины.
Журналисты, которым пока нечего рассказывать, но они всё равно говорят.
— Я был на его процессе, — произношу я.
Леон поворачивается ко мне.
— Зачем?
— Работа.
— Ты его защищал?
— Нет.
— Тогда что ты там делал?
Я снова беру кофе.
— Иногда полезно смотреть, как другие адвокаты проигрывают.
— Его оправдали.
— Я говорил о прокуроре.
Леон усмехается.
Ведущая сообщает, что подробностей пока мало.
Мужчина найден ночью.
Полиция расследует убийство.
Связи с другими преступлениями не установлено.
Обычный новостной сюжет.
Через несколько часов его сменит другой.
Леон продолжает смотреть на фотографию Тернера.
Улыбка исчезает.
— Ты думаешь, он это сделал? — спрашивает он.
— Что именно?
— То, в чём его обвиняли.
— Прокуратура не смогла доказать.
— Я не это спросил.
— Другого ответа у меня нет.
— Конечно.
Я смотрю на него.
— Что это должно означать?

— Ты всегда прячешься за законом, когда не хочешь сказать, что думаешь.

— Я не прячусь. Я на нём зарабатываю.

— Очень удобно.

— И довольно прибыльно.

Леон берёт пульт.

— Девушка умерла.

— Я помню.

— А он продолжил жить.

— Его оправдали присяжные.

— Это не делает его невиновным.

— Как и обвинение не делает виновным.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга.

Этот спор старше нас обоих.

Для Леона закон всегда слишком медленный, слишком осторожный и слишком часто бесполезный.

Для меня он единственное, что отличает правосудие от мести.

— Ты сегодня особенно приятный, — говорю я.

— Семейное.

— Сомневаюсь.

Он переключает канал.

Фотография Тернера исчезает.

На экране начинается матч.

Лили снова склоняется над рисунком.

Через несколько минут гостиная возвращается к обычной жизни.

Леон спорит с судьёй на экране.

Лили просит синий карандаш, который лежит прямо перед ней.

Я открываю ноутбук и заставляю себя заняться документами Кейна.

К полудню голова почти перестаёт болеть.

К вечеру я действительно почти не думаю о Роберте Тернере.

Снимая футболку перед сном, снова замечаю царапины возле ключицы.

Провожу по ним пальцами.

Стейси.

Красный маникюр.

Или всё-таки Мейси?

Чёрт.

Нужно всё-таки выяснить, как её звали.

А заодно — фамилию.

Бросаю футболку на кресло.

Ставлю будильник на семь, кладу телефон рядом и гашу свет.

Уже устраиваюсь на подушке, когда слышу шаги в коридоре.

Медленные.

Неровные.

Шаг.

Ещё один.

Скрипит половица возле моей двери.

Я открываю глаза.

— Леон?

Ответа нет.

Жду.

Через несколько мгновений шаги продолжают
Удаляются по коридору.
Я смотрю на дверь.
Наверное, Леон.
Кто ещё.
Закрываю глаза.
Почти сразу открываю снова.
Глупость.
Это мой дом.
За стеной спит Лили.
Где-то дальше — Леон.
Моя семья.
И всё же я протягиваю руку к выключателю.
Свет загорается.
Встаю.
Подхожу к двери.
Поворачиваю защёлку.
Щёлк.
Несколько мгновений держу на ней пальцы.
Сам не понимаю зачем.
Возвращаюсь в кровать.
Выключаю свет.
Темнота заполняет комнату.
За дверью шагов больше не слышно.
Я лежу и смотрю в потолок.
Потом поворачиваюсь на бок.
Закрываю глаза.
До утра дверь больше не отпираю.

Глава 8. Детектив Джек Харрис

— Нет.

Кларк перестаёт печатать.

— Что «нет»?

Я не поднимаю головы от монитора.

— Даже не думай.

— Я просто поздоровался.

— Ты поправил волосы.

— Они мешали.

— У тебя три миллиметра волос.

Кларк смотрит через весь отдел.

Я знаю куда.

За соседним рядом столов стоит новая помощница окружного прокурора. Кажется, Рэй-чел.

Или Ребекка.

Она пришла минут десять назад за материалами по какому-то делу, и с тех пор Кларк успел трижды пройти мимо её стола.

Первый раз — за кофе.

Второй — выбросить стакан.

Цель третьего путешествия я предпочёл не выяснять.

— Она на меня посмотрела, — говорит он.

— Она искала принтер.

— Одно другому не мешает.

Перелистываю очередной судебный протокол.

Передо мной уже второй стакан кофе.

Первый умер часа три назад.

Рядом лежат распечатки по Бруксу.

Чуть дальше — по Тернеру.

Сверху лежит предварительный отчёт лаборатории.

Под ногтями Брукса нашли частичный генетический профиль неизвестного мужчины.

У Тернера — в основном собственную кровь и слишком мало чужого материала, чтобы выделить полноценный профиль.

Подтвердить, что оба образца принадлежат одному человеку, невозможно.

Исключить — тоже.

Потрясающе полезно.

Два трупa постепенно захватывают мой стол.

— Пойду познакомлюсь.

— Не советую.

— Почему?

— Новогодний корпоратив.

Кларк замолкает.

Я продолжаю читать.

— Это было давно.

— Одиннадцать месяцев назад.

— Ты считаешь?

— Некоторые вещи сложно забыть.

— Мы оба были пьяны.

— Я — нет.
— Тем хуже.
Кларк смотрит на меня.
— Ты вообще-то мой друг.
— Именно поэтому пытаюсь предотвратить повторение.
— Никакого повторения не будет.
Наконец поднимаю голову.
— В прошлый раз ты сказал то же самое.
— И?
— Через сорок минут вы исчезли.
— Мы разговаривали.
— В подсобке.
— Там было тихо.
— А потом она бросила в тебя туфлю.
Кларк морщится.
— Это уже было после разговора.
Я снова опускаю взгляд к монитору.
— Не хочу знать.
— Тогда зачем спрашиваешь?
— Я не спрашивал.
Он опять косится в сторону девушки.
Она наконец находит принтер, забирает бумаги и проходит мимо нашего стола.
Кларк мгновенно выпрямляется.
— Доброе утро.
Она улыбается.
— Доброе.
— Если вам понадобится помощь...
— Кларк.
Он поворачивается ко мне.
— Что?
Я показываю на монитор.
— Нашёл ещё одно имя.
Девушка уходит.
Кларк смотрит ей вслед.
Потом на меня.
— Ты специально выбрал этот момент.
— Конечно.
— Ненавижу тебя.
— Переживу.
Он подкатывает кресло ближе.
— Кто?
Я ещё раз читаю строчку в материалах Брукса.
Открываю новую вкладку.
Вбиваю имя.
Фотографии.
Статьи.
Судебные заседания.
Слишком много судебных заседаний.
И почти везде один результат.

Оправдан.
Освобождён.
Обвинения сняты.
Нахожу знакомое лицо.
Улыбаюсь.
Похоже, день решил, что пока недостаточно меня раздражает.
— Теодор Картер.
Кларк отрывается от ноутбука.
— Что?
Разворачиваю к нему экран.
— Теодор Картер.
Он смотрит на фотографию.
Потом на меня.
— Решил сменить личного адвоката?
— Сначала нужно совершить преступление.
— С твоей зарплатой всё равно его не потянешь.
— Поэтому пока откладываю.
На фотографии Картер стоит на ступенях суда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.